

ОДНОКЛАССНИКИ

СБОРНИК ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

**СТАВРОПОЛЬ
2024**

**ББК
УДК**

Редакционная коллегия:

*Екатерина Полумискова
Владимир Бутенко
Александр Куприн
Николай Ананьченко
Любовь Шубная*

Составители:

*Екатерина Полумискова
Николай Ананьченко*

Одноклассники / Кемерово — Ставрополь: «Техно
принт», 2024. — с.

В коллективном сборнике «Одноклассники» 22-х из
вестных ставропольских писателей объединены поэзия
и проза, которые адресованы детям старше 12 лет. Книга
предназначена для семейного чтения, сюжеты затрагива
ют широкий круг интересов — учебу в школе и внеклассное
общение со сверстниками, младшими ребятами, родствен
никами, учителями и «братьями нашими меньшими». Ведь
чтобы стать «настоящим человеком», надо прежде всего
быть хорошим товарищем, помогать старшим, защищать
слабых, уважать труд, любить родную страну, край, город,
свою семью и друзей.

**Министерство культуры Ставропольского края
Ставропольское региональное отделение Литфонда
России (Литературное Сообщество Писателей России)
Ставропольское краевое отделение Союза писателей
России**

ISBN 978-5-6052538-3-9

The image features a decorative border of autumn leaves in shades of yellow, orange, and red, scattered around a central white area. The leaves are of various shapes, including maple and oak leaves, and some are smaller, suggesting they are falling. The background is a soft, warm yellow with a subtle texture.

**ПОРА
В ШКОЛУ !**

ОТ АВТОРОВ

Дорогие юные читатели! Авторов у этой книги много, так уж получилось. Писатели с нежностью вспоминают своё детство, особенно если им становится грустно. А это иногда случается — даже с писателями. И вот однажды ставропольские литераторы собрались все вместе и решили написать интересную книжку, ведь у всех есть внуки или дети и племянники, которые время от времени просят рассказать им что-то невероятное, интересное, такое, что никогда и ни с кем на свете раньше не происходило. А разве может быть что-нибудь интереснее самой настоящей жизни? Ну, если только чуть-чуть приукрасить. Может быть, и вы, читая эту книгу, тоже соберётесь вместе и начнёте придумывать разные истории!

А лучше всего получается сочинять вместе с одноклассниками или со своими сверстниками — друзьями, с которыми вы познакомились летом, в поездках, на каникулах, подружились в интернете, по переписке. Когда мы делимся друг с другом тем, что получилось, и узнаём в героях этих историй самих себя, становится веселее жить и учиться. Поэтому наш сборник об одноклассниках мы адресуем подросткам старше 12 лет и широкому кругу читателей. И будет замечательно, если эту книгу вы прочитаете в семейном кругу и поймёте, что связь поколений никогда не прерывается, а становится крепче со временем.

ДЕТСКИЙ ПОРТРЕТ

Жизнь — это больше, чем перечень лет,
Больше, чем проводы в старость.
Весело смотрит мой детский портрет
На седину и усталость.

Что ему годы грядущих забот,
Скучных дорог километры?
В детской улыбке наивно живёт
Вера в попутные ветры.

6

Мальчик доверчивый, мальчик смешной,
Сердцу не сладить с годами.
Лишь иногда я бываю тобой —
В дни возвращения к маме.

Учебный год начинается 1-го сентября, как когда-то наступало новолетие по древним календарям. От слова — «новое лето», которое приходит после окончания «старого лета», то есть каникул. И мы на целый год становились старше, шли в школу за новыми знаниями и были очень рады встрече с друзьями-одноклассниками, иногда шалили на уроках и учились быть добрыми, сильными, с уверенностью смотрели в завтрашний день.

В ГУСТОМ ЛЕСУ ЖИЛА ЛИСА...

1 сентября так бы и осталось рутинным днём: линейка, георгины, девчонки в бантах, «Миру — мир!» в тетрадках. Но мы с ребятами продолжаем праздник Первоклассника!

Во втором классе в продлёнке я делал домашнюю работу по русскому.

Так вот, в упражнении было что-то о лесе и лисе. Раза три переписывал задание, поскольку в названии животного писал Е, а в природном образовании со множеством деревьев — И.

И ведь правило выучил о проверочных словах, и всё такое. Так-то довольно грамотным уже был, что вы. Знал чётко — никакой Ы после Ж и Ш!

Вскоре диктант. Услышал текст. Даже рассмеялся внутренне. Такой диктант — ерундистика для знающих людей!

На следующий день в ожидании триумфа, небрежно откинувшись на спинку парты, гордо окидывая взглядом одноклассников, понимал, что на рыжем животном и скоплении деревьев, как оказалось, можно иметь неплохую выгоду.

А тогда мода такая у учителей была: непременно называлась фамилия ученика, открывалась тетрадь и озвучивалась оценка. Вроде как

и ничего, если «отлично» или «хорошо», тешит самолюбие, трояк — терпимо, так-сяк, пониже отметка — позор.

Но я-то абсолютно спокоен, я-то уверен. И... вот он, миг торжества!

— Скрипаль, — и даже не перелистнула Екатерина Никифоровна (это наша первая учительница была) тетрадные листы. Произнесла: «Два». Нет, не просто «два», а вот так: «ДВА!».

Возмущению моему не было предела. Не может быть! Не моя тетрадь! Где, как, почему?! Тут вокруг хихикают еще одноклассники. А как же.

Фиаско было полным. Катастрофа оскалилась кровавой пастью:

— В густом лИсу жЭла лЕса.

* * *

Думаю, если нет певческого голоса, это ведь не значит, что нужно отказаться от сцены вообще! Не дано петь, подумаешь. Можно на инструменте играть, аппаратуру настраивать или хоть критические статьи писать. Да мало ли. Поэтому я и стремился к сцене где-то со второго класса.

В школе был свой ансамбль. Настоящий. Три гитары, барабаны, клавиши электрические. Как положено. Шефы с Казахстанской магнитки

позаботились. Как же классно парни играли на репетициях. В зал на танцы нас по малолетству почему-то не пускали.

Да и ладно, подумаешь!

Из продленки убежал на четвёртый этаж, где после второй смены раздавались звуки настройки ансамбля.

— Раз, разз, ра-а-аз, — в микрофон загадочно говорил солист.

Видимо, парень с арифметикой не в ладах был, потому что ни разу я не слышал, чтобы он хотя бы произнес: «Два», зато пел шикарно.

И снова:

— Раз, раз, ра-а-аз...

— Бум, бум-бум, — повторяла бас-гитара.

— Бдзды-ы-ынь, — ударник палочкой по тарелке.

И потом все вместе под слаженную (почти слаженную, ведь репетиция) музыку:

— Жёлтый дождь стучит по крыше.

По асфальту и по листьям...

Прямо как Олег Ухналев с любимой пластинки с песней «Дождь и я». Здорово!

Как же мне хотелось туда, на сцену, стоять с гитарой, перебирать струны и устало, меланхолично петь:

— Позвонить ты мне не сможешь.

Чтобы просто извиниться,

Нету телефона у меня-а-а...

Здорово же, а?! Однако, отдавал себе отчёт, что ничего мне не светит, не судьба приобщиться к Великому в ближайшие годы. Потом у парней был перерыв. Они уходили за сцену, открывали окно и осторожно курили в снежный вечер. Но не все. К солисту приходила в это время Капа. Девчонка-красавица из восьмого класса. Они с солистом это... Только смотрите, никому! Договорились?! Короче это... ну, это самое. Как во взрослом кино в общем. Тьфу. Целовались. Да!

Кстати, у меня тогда сомнения появились, стоит ли к сцене стремиться, если с девчонками надо это. Ну, это самое. Целоваться.

Потом решил, чем-то всегда жертвуешь. Ладно.

В одну из репетиций, которую я, как обычно, смотрел из-за штор у входа в зал, кажется, перед Новым годом, я вдруг понял, что на сцене никого нет. Парни куда-то ушли. Аппаратура и инструменты одиноко стояли под разноцветными прожекторами. Я подобрался ближе.

Вот она, гитара мечты. Чёрная, блестящая, здоровенная. Протянул руку, чего-то там коснулся, и меня так дернуло током, что мама не горюй! До сих пор на большом пальце правой руки есть ожог.

Падая, я с уважением подумал о гитаристах, какие отчаянные ребята, их током лупит, а они...

Потом, когда музыканты меня поднимали с пола и приводили в чувство, я слышал, как кто-то кому-то говорил:

— Витек, я ж предупреждал, что к бас-гитаре шнур плохо заизолирован!

Так я сделал осознанный выбор, лет через семь бумкал на бас-гитаре.

Сергей Гамаюнов-Черкесский

«ДОБРО ДОЛЖНО БЫТЬ С КУЛАКАМИ...»

Серёжа ходил в школу с удовольствием: это не детский садик, где со всеми вечно сюсюкаются, носы вытирают.

В школе интересно: многое можно узнать и друзей прибавилось опять же.

Он был очень любознательным мальчиком. Его интересовало практически всё: начиная с образования и развития жизни на планете Земля и заканчивая знаниями из разных областей науки.

А помогали в этом не только школа и интернет, но и множество энциклопедий и справочников в папиной библиотеке...

Естественно, что у Серёжи всегда была масса вопросов к Маме, Папе и учительнице Анне Михайловне. Он был не только любознательным,

но и рассудительным мальчиком. Простые однозначные ответы на вопросы его не удовлетворяли.

Поэтому по любому возникшему вопросу или проблеме он любил порассуждать и высказать свою точку зрения. А ещё он очень любил играть в шахматы с Папой.

Как-то раз, когда они в очередной раз разыграли шахматную партию и Серёжа раздумывал над своим ходом, а Папа слушал «Новости» по телевизору, внимание мальчика отвлекла прозвучавшая с экрана фраза «добро должно быть с кулаками».

Для десятилетнего мальчика подобное выражение было непонятным: как это, добро — и с кулаками?

Шахматы тут же были отодвинуты в сторону, и сын с папой занялись обсуждением назревшего вопроса

— Папа, что это значит — добро с кулаками? Ведь ты сам говорил, что выяснять отношения с кулаками — это неправильно, это проявление слабости и неумение аргументировать свою позицию. Это зло наконец!

— Хорошо, сын, а что, по твоему означает «добро»?

— Добро — это когда я помогаю маме на кухне и по дому, или тебе в гараже. Когда помогают пожилому человеку перейти дорогу или донести тяжёлую сумку. Добро — это когда

ты даёшь друзьям свой телефон или планшет, угощаешь их газировкой, конфетами или пирожками, когда кормишь и лечишь бездомных животных.

— Ну, в принципе правильно думаешь, — улыбнулся Папа.

— Вообще-то авторство этому выражению приписывают знаменитому советскому и русскому поэту Михаилу Светлову. А один из его учеников, тоже знаменитый поэт Станислав Куняев, написал стихотворение:

*«...Добро должно быть с кулаками.
Добро суровым быть должно,
чтобы летела шерсть клоками
со всех, кто лезет на добро.
Добро не жалость и не слабость.
Добром дробят замки оков...»*

13

— Ну, и так далее. Не буду читать всё стихотворение: оно большое и сложное. Правда, спустя много лет, повзрослев и узнав многое о жизни, Куняев написал:

*«...Возмездье, справедливость — это верно.
Пожалуйста. Но только не Добро,
которое бесцельно и безмерно...»*

— Так что, Серёжа, добро может быть очень многогранным. Если вдуматься, смысл

выражения «добро должно быть с кулаками» подразумевает, что человек должен уметь постоять не столько за себя, сколько за свое право совершать хорошие, благородные поступки. Чтобы отбиваться от недоброжелателей, завистников и злых людей, которые говорят: «не ходи, не делай, да зачем тебе это нужно, всё равно ничего не получится».

Но, кулаки — это образно, это не значит, что обязательно нужно кого-то бить, применять насилие, чтобы защитить добро. Вспомни, сколько раз жильцы нашего подъезда обращались в управляющую компанию, чтобы сделали пандус для инвалида-колясочника дяди Миши с третьего этажа? И ведь добились своего, но только после обращения в прокуратуру...

Да, истинный смысл этого выражения постигается не сразу! Так что, учись, сын, чтобы знать как можно больше о жизни, о нашей истории, о людях хороших и плохих. И чаще делай добро! Когда-то оно к тебе вернётся...

Шахматы были забыты.

А отец и сын ещё долго рассуждали о добре и зле.

КАК НАС МАКУШКИ ПОДВЕЛИ

Нам с Пашкой в классе все мальчишки завидуют. И даже девчонки:

— Хорошо вам, близнецам! Вы вдвоём, а значит, у каждого друг всегда рядом. В любое время суток.

Мы, когда маленькие были, об этом не задумывались. А теперь понимаем: хорошо!

— Особенно тебе, — говорит Пашка.

— Почему это?

— Потому что у тебя есть такой замечательный брат. И друг. Я!

— А тебе разве плохо? — спрашиваю.

— А мне по-разному! — каждый раз отвечает Пашка, а потом хохочет:

— Да шучу я, шучу! Мне тоже хорошо!

Пашкины шуточки мне не всегда нравятся. Раньше я даже обижался и поэтому пытался представить своим братом то Витьку с соседней улицы, то Ваську из нашего класса, то Димку.

Нет, Пашка лучше всех! А то, что командует часто, так это, наверное, потому что он на пять минут старше — может, и правда, за эти минуты успел больше ума набраться.

Недавно Пашка придумал, как учить уроки в два раза быстрее:

— Вот тебе больше информатика нравится, а мне «Окружающий мир». Я в информатике ни бум-бум. Давай и не заморачиваться. С сегодняшнего дня я учу только «Окружающий мир», а ты — только информатику.

— А если меня по «Окружающему миру» спросят? — испугался я.

— Ха-ха-ха! — сказал Пашка. — Всё продумано. Конечно, спросят. Я-то на прошлом уроке отвечал. Пятёрочку заработал!

— А теперь хочешь, чтобы я двойку получил? — ещё больше испугался я.

— Как ты её получишь, если за тебя выйду я отвечать?

— А я?

— А ты будешь сидеть спокойненько и ждать информаши, чтобы вместо меня ответить. Понял?

— Не понял. Учительница сразу догадается. Она же знает, что у окна сижу я, а у прохода — ты.

— А мы местами поменяемся. Конечно, если бы наша Марьиванна была, она бы нас быстро раскусила. А у нас-то сейчас Ирина Петровна её замещает. Она нас ещё не запомнила.

— Не-е-е. Я не хочу обманывать.

— А мы не будем. Просто пошутим, а заодно оценки улучшим — скоро ж конец четверти. А то у нас тройки выходят. Приятно, что ли?

— Ладно, давай попробуем, — согласился я.

На следующий день на первом уроке Пашка сел на моё место и стал тянуть руку на «Окружающем мире».

— Иди к доске, Петя, — сказала Ирина Петровна.

Я даже глаза от страха закрыл. Но Пашка без единой запинки рассказал о свойствах почвы и спокойно протянул мой дневник.

— Молодец, Петя, — похвалила учительница и поставила красивую пятёрку.

— Вот видишь! А ты боялся, — прошептал Пашка, когда сел на место.

На перемене мы снова поменялись местами. Теперь уже тянул руку я.

— Что, Павел, решил тройку исправить? — спросила Ирина Петровна. — Иди попробуй.

Я отвечал прямо на пятёрку с плюсом. Пашка сидел такой важный, что я чуть не рассмеялся.

— Молодец, Павлик, — похвалила меня учительница. — Ведь можешь на пятёрки учиться, если захочешь.

Она уже начала выводить оценку в Пашкином дневнике, но тут встала Маринка, которая сзади нас сидела, и заявила: — А это не Паша, а Петя.

— С чего ты решила, Марина? — спросила Ирина Петровна.

— Я знаю. У Паши на голове одна макушка, а у Пети две.

— Это правда? — учительница встала из-за стола и стала рассматривать мою голову.

— Правда, — чуть не сгорел от стыда я. — Просто... просто мы с Пашкой решили пошутить.

— Да нет! Это не шутка, а настоящее жульничество и обман, — расстроилась учительница. — Как же я смогу теперь вам верить? Может быть, вы не первый раз меняетесь. На каждом уроке... Придётся родителей в школу вызывать.

Пашка встал и тоже вышел к доске:

— Не надо никого вызывать. Это я всё придумал. Менялись мы первый раз... и последний... Даём честное мужское слово.

— Ну, раз мужское, — вздохнула Ирина Петровна. — Поверим, ребята?

— Поверим, — хором сказали одноклассники.

— Только пусть про свои головы расскажут, — предложил Вася. — А то мы их тоже не всегда различаем.

Мы с Пашкой показали макушки. Они у нас, правда, разные. Домашние-то нас хоть с какой стороны различают, а наши дяди и тёти, которые редко приезжают, в основном по макушкам: у меня на затылке — как будто два маленьких волосяных водоворота. Откуда Маринка про это узнала? Может, кто сказал, а может, сама догадалась — она умная, энциклопедии

разные читает. Чего это ради она наши затылки рассматривает?

— Вот они, макушки! — галдели ребята так, что Ирина Петровна еле-еле их успокоила.

На перемене все стали друг у друга головы рассматривать. У Маринки тоже две макушки оказалось. А больше — ни у кого. Так вот почему она быстрее всех нашу хитрость раскрыла!

Елена Гончарова

ХВОСТОНОГИЙ УХОКЛЮВ

19

Если выключили в доме
Электричество «на час»,
Кто придёт на помощь Роме?
Рома ходит в третий класс.
И ему по рисованью
Надо класс нарисовать,
Где Ириша, Вова, Саня,
Дима, Вика, Соня, Таня,
Влад в прыжке над ними замер,
Мяч отбил в одно касанье —
Он ведь любит побеждать!

...Светит месяц над балконом.
Зимний вечер — та же ночь.

Рома светит телефоном
На листок, и там, точь-в-точь,
Получается картина,
Просто вылитые все:
Вот Серёжа и Алина,
Юра, Сева, Василина,
Настя с бантиком в косе.

Завершить бы поскорее!
Рома обмер в темноте...
Разрядилась батарея,
Так некстати!.. На листе
Рисовать пора детали:
Там причёску, там пиджак,
Поясок на платье Тани
И у Толика рюкзак,
У Алёны в папке книги,
Ира пишет на доске,
Связка шариков у Вики,
Владик с мячиком в руке,
Улыбается Алина,
Юра Севе руку жмет,
Дарит куклу Соне Дима,
Саня булочку жуёт...

Светит месяц. На балконе
Водит кистью над листом
Бедный Рома... Света в доме
Нет. Настойчивым трудом —

Совершенна, креативна —
Дорисована картина!
Утром в школу мчится Рома:
«Ну, ребяташки, здорово,
Я вчера почти не спал,
Вас полночи рисовал!
Не было в квартире света,
Разрядился телефон,
Но художнику на это
Отвлекаться не резон.
Впрочем, посмотрите сами,
Вот, какое полотно!»
Говорит негромко Таня:
«А о чем это оно?

Ничего совсем не ясно,
Что за странный экспонат?
Ты считаешь это классом:
Где здесь Настя или Влад?
Это стосороконожка,
А не Ира и Сережка!
Здесь стоит, шары надув,
Хвостомногий ухоклюв.
Вот с мячом ворвался в класс
Шеекрылый зубоглаз!..»
Рома, чуб откинув рыжий,
Смотрит в лист, и хохотать:
«Я творец, и так я вижу,
Ваше дело — понимать!..»

ДЕТИ СКАЗКИ НЕ ПОЙМУТ

Дети сказки не поймут,
Ни за что на свете,
Если в сказке не найдут
То, что надо детям.

Если в сказке нет чудес,
Ласки и привета,
Не поёт, не дышит лес
Добротой и светом.

Да к тому ж в ней нет страстей,
Богатырь не скачет —
Эта сказка для детей
Ничего не значит.

Надо так её скроить,
Чтоб, когда читали,
Дети в помыслах своих
Честным помогали.

Чтоб в ней смелым повезло,
Храбрым и удалым,
И чтоб доброе над злом
Восторжествовало.

СКАЗКА ДЛЯ ОЛИ

Алёнка сидела на кухне за большим столом и разрезала торт на небольшие кусочки, ведь сейчас нагрянут одноклассники, а она опять ничего не успела.

Главное — сделать уроки на завтра. Хорошо, что ещё не вечер. Чайник вскипел, старший брат Санька гремит стульями в соседней комнате, сейчас принесёт парочку вдобавок к кухонным табуреткам.

Всем места хватит. Главное, что он дома — брат. Вернулся из экспедиции, переночует и прямиком в аэропорт.

23

Нет, у неё сегодня не день рождения. Просто так — брата встретить и проводить. Давно не виделись, с прошлого лета.

Он — аспирант одного из столичных институтов. На десять лет старше сестрёнки. Но это ничего. Ей уже двенадцать, хотя он с ней до сих пор как с маленькой.

Ну и пусть. Мама с папой в очередной командировке, вернутся через неделю, не раньше.

Но она привыкла. Школа, друзья, уроки, продлёнка, кружки, художка...

Раздался звонок в двери. Брат открыл, и в коридоре сразу стало шумно.

Пришли ребята — пока «семеро смелых». Маша с Надей и мальчишки — Димка, Витька, Пашка, Сергей и Петя.

— Ну, что, великолепная семёрка! Рассаживайтесь поудобнее, — это Санька пересчитал гостей и снова отправился в гостиную за стульями.

На улице ещё не холодно, но темно. Сентябрь — месяц грустный, то дождик моросит, то листья срываются и подолгу кружат во дворе.

А главное — день заметно стал убавляться. Вот и теперь все светильники в доме горят в честь события по случаю...

На подоконнике — Сашкин ноутбук, фотографии все не успели пересмотреть, несколько альбомов. Ладно уж, потом.

Ещё не вечер. Лишь бы успеть пообщаться, наговориться.

Санька обещал помочь с новой программой для гаджетов. Говорит, такой пока ни у кого нет.

— Саш, а ты программист? — бросил через плечо по-свойски Димка, пережевывая кусок торта.

— Да какой я программист, я же историк, — отозвался из коридора Сашка и снова открыл двери, пропуская в дом ещё двух гостей — Ларису и Юру.

И тут случилось непредвиденное.

Вырубился свет. Совсем. Причём, во всём квартале. Даже фонари на улицах погасли,

и город погрузился во тьму. Лишь горизонт едва светился тусклой полоской света.

Ребята встретили сумерки дружным возгласом — возмущения или одобрения, было не очень понятно, а Санька присвистнул:

— И часто у вас такое бывает? «Тьма египетская»!

— А у нас в квартире газ! — процитировал Пашка и потянулся к конфорке, чтобы сделать пламя посильнее.

— А свечек нет? — поинтересовалась Лариса и прижалась поплотнее к Юрке, который сидел рядом и не успел ещё дотянуться до чашки с чаем.

Свечки где-то были, Алёнка знала это точно. Но при свете их ещё можно было отыскать.

На подоконнике ярко светился монитор ноутбука, но брат дотянулся до него и выключил питание, а затем коротко пояснил:

— Торт и чай можно поглощать и без света. А если ноут разрядится, то увы... Мне ведь завтра полдня добираться в столицу.

Наступила неопределенная тишина, сквозь которую были различимы позвякивания чашек о блюдца и чьи-то всхлипы.

Алёнка насторожилась:

— У кого-то насморк?

— Это за дверью, на лестнице кто-то хлопает носом, — в один голос воскликнули близнецы Паша и Петя.

Старший брат побежал снова к входной двери, выглянул наружу, и через минуту в квартиру вошла маленькая девочка с котёнком в обнимку.

Она всхлипывала и терла рукой глаза, словно так можно было разогнать темноту.

— Ты кто? — спросил брат и присел прямо перед ней, чтобы разглядеть её лицо. — Да не бойся ты, перестань плакать и Расскажи, как ты оказалась одна в подъезде.

Алёнка подскочила к девочке, взяла её за руку и спросила:

— Ты Оля из соседней квартиры? Правильно? Садись с нами кушать торт! А котенку сейчас нальём молока.

— Я Оля, а это Мурзик, но он не ест молочко, только Вискас, — доверительно проговорила девочка и двинулась на кухню, не выпуская из рук котёнка, хотя он вырывался изо всех кошачьих сил.

— Оля, почему ты совсем одна, где твои родители? — строго спросил старший брат, на ощупь отыскивая чашку и блюдце в серванте, но чашка выскользнула из его рук и со звоном разлетелась вдребезги.

Девочка заревела. Ей было не больше пяти лет. А котёнок вырвался и умчался куда-то в комнаты, его и след простыл.

— Саш, ну что же ты сразу ребенка пугаешь, где да почему, — прошипела Алёнка и взяла

девочку на руки. — Оля, ты случайно из квартиры выбралась? Дверь оказалась открытой?

— Бабушка пошла в магазин, она сказала, что через час вернётся, а тут свет погас. Я фонарик нашла в коридоре, включила его и вижу, что кошелек она забыла дома, хотела её догнать и выглянула за дверь. Там тоже темно, тут котенок у меня между ног проскользнул и выскочил. Я за ним, за хвост его поймала, но дверь захлопнулась.

— Ладно, ешь тортик, и мы уложим тебя спать в нашей спальне, будешь спать у нас, пока бабушка не придёт, — деловито объявила Алёнка.

— А я без сказки не засну, — прошептала Оля, уминая за обе щёки медовик.

27

Мальчишки дружно заржали, а Витька спросил:

— Кто знает сказки для маленьких детей? Мы с Димкой только страшные знаем, сами боимся их рассказывать.

— Вот так всегда, когда у него спрашивают про теорему Пифагора, он начинает рассказывать сказки, а когда нужно раз в жизни сказку рассказать...

— Хватит дурачиться, а то ребёнка напугаете, — оборвал Санька. — Можно, конечно, в интернете покопаться, так света нет, аккумулятор сядет. Будем сочинять все вместе. Специально для Оли. Поехали!

— А как мы будем сочинять? О чём сказка?
— заволновалась Маша.

— Если ты Маша, то думаешь, что детям нужно обязательно про Машу и медведей? — хихикнул Сергей.

— Хорошо, что про Алису уже всё написано, но Алиса учится в параллельном классе, — парировала Маша.

— Не ссорьтесь, главное, чтобы сказка была добрая и с хорошим концом, — пояснил деловито Санька, — вот я сейчас начну рассказывать, а вы помогайте. И запомните, что маленькие дети никогда не должны доверять всяким незнакомцам и случайным прохожим. Договорились?

— Да! — отозвались ребята хором.

А вы, юные читатели, когда-нибудь придумывали для своих младших сестрёнок и братишек сказки?

Вот что вышло у ребят на этот раз для маленькой девочки Оли, которая очень боялась темноты...

СКАЗКА О ДЕВОЧКЕ, КОТОРАЯ БОЯЛАСЬ ТЕМНОТЫ

Однажды, когда Папа с Мамой уехали на новогодний корпоратив, Маленькой Девочке стало совсем одиноко и страшно. Сразу же проснулись разные шорохи и звуки, вешалки потянули к ней свои заскорюзлые руки, а старый кран в ванной начинал громко ворчать.

Тогда Девочка ещё громче заплакала. Да так, что на улице кто-то её услышал. Это был Случайный Ночной Прохожий.

— Почему ты плачешь? — спросил незнакомец, через полуоткрытое окно. — Тебя кто-то обидел?

— Нет.

— Тебе не с кем играть?

— Я боюсь Темноты.

— Какая ерунда, — сказал незнакомец. — Это в головах людей Темнота! А в природе её не бывает. Просто, когда засыпает крепким сном наш товарищ Весельчак-День, к людям приходит Печальная Сказочница Ночь, чтобы узнать человеческие мечты и секреты.

— Неправда!

Маленькая Девочка на всякий случай не поверила Ночному Прохожему. И правильно сделала.

И тогда он сказал:

— Так пойдём со мной, ты ещё многого не знаешь.

Девочка никак не решалась отправиться в путь с незнакомцем, ведь Папа и Мама её всегда предупреждали не заговаривать с незнакомыми людьми и тем более никуда с ними не ходить! Но любопытство пересилило.

Он взял Маленькую Девочку за руку и повёл по тропинке, ведущей к ночному лесу. И ей не было страшно, ни капельки.

— Видишь как чудесно! — воскликнул Прохожий.

В лиловом океане ночного леса волнами набегали друг на друга удивительные запахи и звуки. Слабо светились старые пни. Созвездиями мерцали живые светляки.

От страха и удовольствия девочка крепко зажмурила глаза, и только крепко держалась за руку Случайного Прохожего.

И тут ей на ногу прыгнула холодная и мокрая жаба! Девочка вскрикнула и прижалась к Случайному Прохожему.

Да и Прохожий показался ей почему-то добрым человеком, которому она могла бы довериться. И она решилась.

— Не бойся, Малышка, — сказал Ночной Прохожий. — Пока ты со мной, тебя никто не обидит. Будь храброй девочкой. Посмотри,

даже кошки не боятся темноты, а ведь они куда меньше и глупее нас. Идём же! Смелее. Долго ли, коротко ли шли они, а только у круглой опушки на берегу молчаливой речки увидели крохотную избушку. Её окна серебрились удивительно мягким светом.

— Это Красавец Месяц, перед тем как выйти в небо, каждый раз заходит к своей бабушке повидать её да попить чаю.

— А какая у месяца бабушка? — спросила девочка.

— А вот мы сейчас увидим, — ответил Прохожий и вежливо постучал в дверь.

— Кто там не спит? — послышался голос.

— Это мы, путники: Девочка, которая боится Темноты, и Случайный Ночной Прохожий. Мы очень хотим пить.

Дверь отворилась, и на крыльцо вышла бабушка Ночь. Она подала путникам целую чашку целебной утренней росы, которую перед самым рассветом собрала с лесных трав и цветов.

— Так это ты меня боишься? — спросила бабушка и погладила девочку по голове. Руки её были тёплыми и нежными. Как у мамы. Или даже лучше.

Девочка посмотрела на доброе бабушкино лицо и совсем перестала бояться. Удивлёнными, широко открытыми глазами она посмотрела вокруг и впервые обрадовалась волшебному

многообразию ночного мира. В нём не было зла. Бутоны роз протягивали ей свою нежность.

Девочка не смогла удержаться и пошла им навстречу. Она погладила их прозрачные лепестки, слышала их запах...

— Цветы не могут говорить, — подумала девочка, — зато могут пахнуть, и радуются, когда кто-нибудь их слышит. Ведь это их единственный голос. А он такой негромкий, такой тонкий, что любой другой может легко заглушить его. Ведь это голос Доверия...

И девочка поняла, что ей хотели сказать ночные братцы-цветы. Она даже не заметила, как и где задремал от усталости Случайный Ночной Прохожий, как исчезла в лесной темноте избушка.

Зато она видела, как из избушки взошёл на небо Красавец Месяц и щедро ронял вокруг серебро своего света.

Она помнила тёплые бабушкины руки, всё время ощущая её незримое присутствие. Как будто самая добрая и сильная волшебница помогала ей делать каждый новый шаг. Природа тиха и доверчива.

И вдруг на неё из-под кустов выкатился какой-то серый комок. Остановился, как вкопанный.

Девочка осторожно присела. Она хотела потрогать это странное существо. Но оно зашипело и съёжилось.

— Ёжик, не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого, — сказала девочка и захотела погладить его. Но тут же вскрикнула. Десятки иголок вонзились в её нежные детские пальцы. Ёжик имел все основания не доверять людям.

И как ни уговаривала девочка, Ёж так и не поверил ей, не распрямил свою колючую спину, упрямо выставляя во все стороны свои острые иглы.

— Ну и ладно, ну и оставайся себе один, — обиженно сказала Девочка и пошла дальше.

А ночной мир был так хорош, что скоро её настроение улучшилось. И теперь она думала лишь о том, как бы не наступить на весёлых лягушат, то и дело перепрыгивавших через её тропинку.

Девочка смотрела вокруг и рассуждала: конечно, ночью не чирикают воробьи, зато — как поют соловьи!

Они поют каждому о том, что у него на сердце. А, если слушать некому, то поют так, потому что не петь они уже не могут. И тут она поняла, что Темнота всё же бывает в природе, но лишь для того, чтобы лучше видеть звёзды. Однако при этом важно не перепутать свет зовущих звёзд с холодными гнилушками и обманщиками-светляками. Девочка шла, весело пританцовывая и напевая только что сочинённую песенку:

*Если в небе столько звёзд,
значит, мир совсем не прост.
Если кланялись цветы —
поклонись цветам и ты.
Вот такая песенка,
словно в небо лесенка!*

Вдруг в ночном лесу раздался дикий шум, топот и треск. Кто-то догонял её. Кто? Дикий кабан, рысь или волк?

С криком ужаса Маленькая Девочка побежала, сама не зная куда. Оглянувшись она назад и вдруг увидела Ночного Прохожего, а он её догнал и говорит:

— Я должен сказать тебе правду. Я не Ночной Прохожий. Я — Волшебник!

— Ой, как интересно! Никогда не видела живых волшебников. А ты и впрямь умеешь колдовать? Научи меня, пожалуйста.

— Это нетрудно, — сказал Ночной Прохожий. — Ты сначала задумай какое-нибудь Доброе Дело. Потом закрой глазки и скажи: «Трам- тара-рам- там- там!» И громко произнеси, что хочешь.

Неожиданно из лесной чащи, из тьмы, окутавшей кусты и деревья, выскочили стражи порядка. Их было двое. И они были почему-то очень злые.

— Стоять!- хором крикнули полицейские. Друзья остановились.

— Что вы тут делаете?
— Гуляем,- ответили путники.
— Так поздно у нас никто не гуляет,- сказал Старший полицейский.

Чтобы не спорить дальше, Девочка скороговоркой произнесла волшебные слова «Трам- та- ра-рам- там- там!», а затем почему-то добавила: «пусть мы станем такими маленькими, чтобы нас никто не заметил!»

И волшебство свершилось — они стали совсем маленькие, как муравьи.

Жутковато ночью. И, главное, ничего не видно. Зато рядом оказались настоящие муравьи из ближайшего муравейника. Но муравьи, как известно, — великие рационализаторы. Они не растерялись и воскликнули:

— Сейчас мы найдем зелёного светлячка и попросим подсветить — что ему без дела валяться? Да вот же он, под кустом отдыхает, звёздочки в небе пересчитывает.

Вот и говорят они ему, вроде бы по секрету:

— Свет очей наших, хочешь покататься?
— Хочу, — говорит наивный Светлячок.
— Ну, тогда полезай к нам на спины.

И дело вроде бы пошло. Муравьи, хоть и кричат — но везут, Светлячок, хоть и спит, но светит.

А Девочка с Волшебником следом за ними по дорожке бегут.

Одна беда: светит Светлячок как-то неярко. Дорогу плохо видно. В трёх муравьиных шагах ничего не разберёшь.

— Нет, братцы, тяжёлый у нас фонарь, — сказали муравьи. Надо что-то делать!

Сели думать. Молчат... Трудно думать, когда ничего не придумывается.

— Муравьи! — вдруг хлопнул себя по лбу самый умный из них. — Как же мы про нашего грузовичка-то забыли?

А дело в том, что жил-был на белом свете, в том же самом лесу маленький грузовичок. Ну до того маленький, что и сравнить его не с чем. Никто с ним не знался.

А он, хоть и мал был, да удал. Понимал, что товарищей нужно искать по росту. Потому и не искал совсем. Одиноко ему жилось на свете. Грустно.

Шли дни за днями.

И однажды случилось так, что не он, а его самого выбрали себе в друзья — кто б вы думали? — два наших знакомых больших муравья, которые жили в большой-пребольшой куче из хвойных иголок!

Хотя какая это была дружба? Скорее служба.

Пошли муравьи к грузовичку:

— Многоуважаемый друг наших друзей! А также всех, кому надо куда-нибудь ехать! Не сможешь ли ты ночью толстого светляка возить?

— А зачем? — спросил Грузовичок.

— Окрестности освещать. Мы ведь храбрые патрульные этого леса, своих заблудших братьев ищем, проходим помогаем. Вот видишь, Маленькая Девочка и Ночной Прохожий тоже здесь заблудились, надо их к дому подкинуть.

— Отчего же не помочь в благородном деле! — обрадовался грузовичок, страстно мечтавший служить в МЧС или хотя бы стать простым волонтером.

— Только тунеядца возить не буду!

— Почему? — растерялись муравьи.

— Не люблю дармоедов! Я, ребята, и сам дорогу освещать умею. Посмотрите, что у меня есть! — Гордо воскликнул автомобильчик и включил фары дальнего света.

Яркий луч фар прошил темноту дремучего леса. Где-то тяжело захлопали крыльями ночные бабочки.

Ухнула старая сова.

Муравьи даже зажмурились...

Вот на этом самом интересном месте сказка Саньки, старшего брата Алёнки, оборвалась, потому что включился свет, а в двери позвонила Олина бабушка.

ДЕНЬ ГОРОДА

Как хорошо бывает в сентябре!
Какое солнце! Осень золотая
Пришла в наш город, радостно листая
Поэмы-дни. И чудно на дворе.

А небо — в легких белых облаках,
Как будто светлый Ангел, пролетая,
Взмахнул крылом... И, словно неземная,
Осенняя краса в моих краях.

Созвучия небесной синевы
И любящих сердец поют сегодня.
Ведь назван город в честь Креста Господня!
Сияй же праздник, золотом листвы!

В осеннем ветре, в шорохе деревьев,
В струях фонтанных брызг, не умолкая.
В День города любимого и края
Звучит осенний праздничный напев.

МОЙ ГОРОД

Мой город, открытый ветрам,
Возносится шпилями башен.
Он щедро садами украшен
И ярко красив по утрам.

Зеленый, с коврами цветов,
Пронизанный солнечным светом,
Мой город родился поэтом,
Мечтателем быть он готов.

Будь счастлив, мой город Креста,
Блестяще удачлив на свете,
Красив и заоблачно светел,
Как русская наша мечта.

БЕЛЫЙ ГОРОД

Белый город птицею летящей
На зеленых высится холмах.
Грезился мне сказкой настоящей
Белый город, крыльев легкий взмах.

Небо ближе в нем, летят быстрее
Вереницы светлых облаков.
В центре, на каштановой аллее

Слышится дыхание веков.
Смотрят мирно крепости бойницы,
Повидали многое они.
Шелестят истории страницы:
Вот былое, вот и наши дни.

Наш народ, отзывчивый и смелый,
Но и мудрый, знает — неспроста
Прадеды назвали город белый
Именем священным — Град Креста.

*А впереди у ребят всегда есть выходные дни,
осенние праздники и каникулы, которые можно
и нужно провести с пользой, узнать для себя
что-то новое. Например, что такое «шишко-
вание».*

ШИШКОВАТЬ ПОЕХАЛИ

— Скажи спасибо Василь Степанычу. Если бы он за тебя не попросил, не пообещал за тобой приглядывать, ни за что бы не отпустила.

Мать суетливо паковала в рюкзак Димкины вещи, а отец складывал в большой мешок только что закупленные продукты. Здесь были и пачки макарон, и банки тушёнки, и сахар, и многое другое, что позволит не голодать в тайге ближайшую неделю.

А началось всё вчера, когда Димкин приятель Лёшка Казарин подошёл и, хлопнув по плечу, предложил:

— Поехали с нами шишковать. Я деду сказал, он не возражает. Ещё Женька Смирнов поедет. Дед, Женька, ты и я.

— Конечно поеду, — Димка даже подпрыгнул от радости. — А когда?

— Рано утром в воскресенье. Часов в пять.

— Здорово! Вот только... — Димка представил себе реакцию матери на это известие. Но Лёшка, догадавшись, что беспокоило приятеля, поспешил его успокоить:

— За мать не беспокойся. Дед сказал, что сам к ней зайдёт и попросит за тебя. А ему-то, сам понимаешь, никто не откажет.

В этом Димка не сомневался. Лёшкин дед был самым опытным таёжником в посёлке. Несмотря на то, что ему было уже за семьдесят, он каждый год ходил на промысловую пушную охоту и всегда приносил больше всех беличьих и собольих шкурок.

Если кто-то терялся в тайге, то в первую очередь бежали к деду Степанычу, как за гла- за звали его в посёлке, и он организовывал поиски и, почти всегда находил незадачливых таёжников.

Кроме того, дед Степаныч был кладезем таёжных хитростей. Он знал повадки зверей, неисчислимые приёмы охоты на них, был от- менным рыбаком, провести в тайге неделю, а то и месяц, было для него сущим пустяком.

— Слышь, Дим, — окликнул отец, — ты будь повнимательнее, запоминай всё, что дед будет говорить, как он ведёт себя в тайге, как жильё обустроивает. Да мало ли... Таких таёжников совсем мало осталось. Их опыт забывается, те- ряется. А это очень плохо. Это ведь опыт многих поколений людей, людей мудрых и вниматель- ных. Так что пользуйся случаем.

Димка был городским мальчиком. Сюда он приезжал лишь на летние каникулы, да и то не каждый год.

Однако, благодаря своему компанейскому характеру, быстро обзавёлся в посёлке друзьями

и время проводил весело и с пользой для себя. Уже многие особенности таёжной жизни не были для него тайной, и в душе он гордился этим.

Но провести в тайге целую неделю на промысле кедровых орехов, да ещё с таким человеком, как дед Казарин — об этом он и мечтать не мог.

Сборы закончили быстро — Василий Степаных дал точные инструкции. Отец сложил собранные вещи у дверей и скомандовал:

— Всем спать. Подъём в четыре ноль-ноль. Всё. Все разговоры прекратить. — Он шутливо щёлкнул задниками домашних туфель, подхватил мать под руку, и они вышли из комнаты.

Димка окинул взглядам кучу приготовленных вещей, вспомнил, как это всё называл дед Казарин, и пробурчал:

— Ишь, бутору набрали.

Потом с хрустом потянулся и отправился спать.

Ах, как трудно выбираться из плена крепкого утреннего сна!

Глаза не хотели открываться, голова не желала отрываться от мягкой, тёплой подушки.

После нескольких безуспешных попыток поднять сына отец сказал:

— Ну, ладно, мать, пусть спит. Извинимся перед ребятами. Мол, не поедет, устал очень.

В ту же секунду Димка был на ногах. Сон исчез мгновенно, будто и не было этой непреодолимой истомы.

— Пап, ну что ты говоришь. Я уже готов.

Наскоро съев пару бутербродов, заботливо приготовленных мамой, запив их горячим чаем, Дима расцеловал уже готовую всплакнуть мать и, сопровождаемый отцом, понёс собранные вещи к дороге.

Старенький уазик, прозванный в народе «Таблеткой» за то, что именно эти машины чаще всего использовались в качестве машин скорой помощи, скрипя на каждом ухабе, выехал из посёлка и по просёлку углубился в тайгу.

За рулём сидел Лёшкин отец, рядом с ним, на положении штурмана — Василь Степаныч, а ребята вольготно расположились в салоне, используя мешки с мягкими вещами в качестве подушек и матрасов.

На улице было ещё темно, за окном ничего не видно, и парни быстро задремали.

— Подъём, парнишки! Приехали! Разгружаемся.

Поляна, на которой остановилась машина, была ярко освещена косыми лучами просыпающегося солнца.

Они пробивались сквозь плотную завесу сосновых и кедровых веток и создавали фантастическую картину, сотканную из теней и света,

из низкорослого кустарника и мощного травостоя, которым была выстлана поляна.

Воздух — настоящий коктейль из хвойного настоя и аромата можжевельника, таёжных трав и ягод.

Сдобренный чуть горьковатой примесью хвойной прели, он вливался в лёгкие, бодрил, заставлял двигаться и радовал вливающейся в тебя удалью и силой.

Разгрузившись и проводив машину, добычки под руководством старого таёжника стали обустраивать себе жильё на ближайшую неделю.

— Лешка и Женька, палатку поставьте под той вон сосной, — дед указал на огромное дерево, что стояло у края поляны. — Она, если дождь пойдёт, на себя его примет, до палатки он не доберётся. Только не вплотную ставьте — там и муравьи, и жуки свою территорию заняли. Потревожите их — житья не будет. А с тобой, Димыч, пойдём скат делать.

Пара больших лиственниц стояла на краю поляны, переплетаясь в вышине ветвями. Внизу их стволы были совершенно голыми, без веток.

К ним-то и направился дед Казарин.

— Два года назад мы здесь же шишковали. Я тогда все жерди вон за теми кустами спрятал. Давай-ка глянем на них, не должны сопреть-то. Я их ошкурил да и уложил на подставки.

За кустами действительно оказался небольшой штабелёк длинных жердей. Лишённые коры, за два года они высохли и отливали благородным цветом слоновой кости.

Перетащили жерди к выбранному месту, и уже скоро там красовался скат — односторонний шалаш, аккуратно покрытый еловыми ветками.

— Сюда бутор весь перетащим, — постановил дед и первым отправился к куче привезённых с собой вещей.

Часа через полтора поляна имела уже вполне обжитой вид. Помимо палаток, ребята соорудили кострище с таганком, уже натаскали дров, и, почти невидимый в ярком солнечном свете, костерок потрескивал сухими сосновыми ветками.

Вскоре в котелке закипела вода, и Василь Степаныч заварил ароматный таёжный чай из трав, собранных рядом с поляной.

После чая с бутербродами дед не дал ребятам поваляться на мягкой, прогретой солнцем траве, строго сказав:

— Не затем приехали, чтобы брюхо на солнце греть. Шишковать — это дело не лёгкое, и здесь каждая минута дорога. Пошли колот делать.

Колотом оказался огромный деревянный молот. Вернее, подобие молота. На длинную

крепкую жердь прибили тяжёлую чурку, которую привезли с собой из посёлка.

Чурку закрепили длинными гвоздями и ещё привязали крепким шпагатом.

— Для страховки, — как сказал дед Степаныч.

Димка потихоньку, чтобы дед не услышал, спросил у Лёшки:

— А для чего этот колот нужен?

— Вот чудака-человек, — рассмеялся приятель. — А чем же ты шишку бить собираешься?

— Я думал, что будем залазить на дерево и срывать шишки.

Тут уж Лёшка расхохотался во весь голос. Он даже упал на траву и стал колотить ногами по земле.

— Дед, ты слышал!? Этот чудик решил за шишкой по кедрачу лазить.

Дед Степаныч усмехнулся в свои пышные усы и, приобняв Димку за плечи, провёл с ним разъяснительную беседу.

— У кедра, Димыч, ветки очень хрупкие. Так что если полезешь — сразу и сорвёшься. Во-вторых, шишки-то растут на самых кончиках веток, и до них не дотянешься. И ещё: кедр — дерево очень смолянистое. Пока на него залезешь, так перемажешься смолой, что потом тебя в керосине отмывать придётся. Поэтому и придумали этот колот. Его рядом со стволом

ставят, потом отводят чурку и со всего размаха бьют по стволу. Дерево трясётся, и от тряски шишки срываются. Чурка-то деревянная, мягкая. Она кедру никакого вреда не принесёт. Когда идут шишковать, то так и говорят: «Идём шишку колотить».

После небольшого отдыха Василий Степаныч отправил ребят на разведку к ближайшему кедрачу, а сам остался кашеварить.

Подойдя к большущему кедру, ребята внимательно осмотрели его крону, и Лёшка, подражая дедовой солидности, сказал:

— Шишка есть, да, видать, мелковата будет.

Решили проверить. Установили колот у ствола, потом Лёшка с Женькой отвели чурку на метр от дерева и с криком: «Давай!» что есть силы ударили по кедру.

Словно от выстрела понеслось эхо по окружающей тайге, пугая дремлющих птиц и притаившихся на деревьях белок.

— Берегись, Димка!

Словно крупный град сверху посыпались шишки. Они падали на моховую подстилку, на перегнивающую хвою и тут же прятались. Приходилось буквально ползать в поисках затаившихся шишек.

А они были знатные! Зря Лёшка боялся, что мелковаты будут. Нет. Крупные, ещё не тронутые птицами, они приятной тяжестью лежали

в ладони и оставляли на ней непроходящий терпкий запах и липкую, ничем не оттираемую смолу.

Обколовив один кедр, перешли к другому. И снова град шишек, от которого приходилось постоянно уворачиваться. Но иногда, шишка всё равно попадала по спине, а то и по голове.

Набив два мешка шишек, пошли к лагерю.

— Такими темпами мы уже завтра все мешки затарим, — радостно сказал Дима.

Лёшка хихикнул, но потом серьёзно ответил:

— Давай-ка, я тебе весь процесс расскажу, чтобы ты больше глупых вопросов не задавал. Наколотить самой шишки, это дело простое. Из неё орехи надо достать. Для этого шишку лущат — то есть выковыривают из неё орехи. Это дело долгое и трудное. Все ногти обломаешь, пальцы в кровь сотрёшь, весь в смоле вывозишься. Правда, дед взял с собой рушалку. Наверняка уже установил её. Придём — сам увидишь. Она нам сильно работу облегчит. Потом веять будем. Это когда с помощью ветра отделяют шелуху от орехов. Так что из этих двух мешков от силы две трёхлитровые банки орехов получится. А нам надо мешков шесть-семь набить. Без работы не останемся. Не переживай.

В отсутствие ребят дед Степаныч потрудился на славу! Над тлеющим костерком ароматно парила гречневая каша с тушёнкой, рядом был расстелен кусок целлофана, и на нём горкой

лежал нарезанный хлеб, в пластиковых тарелках манили к себе свежей зеленью нарезанные огурчики и зелёный лучок.

А у сосны, позади палаток, на двух досках был закреплён странный агрегат, чем-то напоминающий большую ручную мясорубку. Это и была рушалка.

Димка внимательно осмотрел её.

Рушалка представляла собой большой жестяной короб с открытым верхом. Внутри располагались три шиповатых валика, соединённых двумя шестернями, одна из которых соединялась с рукояткой.

Работала рушалка так: сверху засыпались шишки, валики вращались с помощью рукоятки. Шишки попадали между валов и разваливались. Полученная шелуха вместе с орешками проваливалась в отверстие в днище. Вот и всё.

Подошёл дед Степаныч.

— Изучил? Ну и хорошо. Ещё накрутишься с ней, руки перестанут подниматься. Пошли ужинать. Каша стынет.

В этот вечер они пропустили через рушалку оба мешка шишек и отнесли полученную шелуху на полянку, расположившуюся на небольшом мыске над рекой. Дед всё старательно укрыл куртками, одеялами и скомандовал:

— Всё, парнишки, отбой. Завтра подъём с самого рассвета. Димка с Лёшкой идут колотить,

мы с Женькой будем веять орехи и обед готовить. План вам, парнишки, десять мешков. После обеда со мной останется Димка. Так и будем меняться. Всё, айда спать.

И началась у ребят таёжная страда. Тайга щедро делится своими богатствами, но, чтобы взять их, немало сил приложить надо.

Ребята колотили, таскали мешки с шишкой, лущили и рушили её, веяли, собирали чистые орехи и радовались, глядя на плоды своих трудов. Они уже считали себя опытными таёжниками, хотя лишь малую толику своих тайн приоткрыла им тайга-матушка. Но и то ладно. Не каждому сегодня и это даётся.

Димка, засыпая в рушалку очередную порцию шишек, сказал Василь Степанычу:

57

— Прямо жалко такую красоту ломать. Вон они, какие ладные, приятно в руки брать. И пахнут тайгой.

Дед усмехнулся и ответил:

— Дим, так ты те шишки, что покрасившее, откладывай. Отвезём цельными. Я тоже люблю зимой взять шишку и не спеша её разобрать. Кажется, так даже орешки вкуснее становятся.

С того момента ребята тщательно отбирали самые крупные, ровные, самые красивые шишки, и складывали их в отдельный мешок.

Быстро пролетела неделя. В назначенное время слышался гул мотора, потом раздался

призывный сигнал знакомой «таблетки», и вот машина уже на поляне.

К этому времени у таёжников всё было подготовлено: свёрнуты палатки, разобран скат и заботливо уложены на старое место жерди, разобранный колот превратился в простую чурку, которую откатали к одной из лиственниц. Весь бутор лежал собранным, и рядом стояли мешки — результат их недельного труда.

Лёшкин отец достал из мешка горсть кедровых орешков, рассмотрел их, даже понюхал и сказал:

— Знатный урожай собрали. Молодцы.

Дед Степаныч, уже начавший загружать вещи в машину, проходя мимо, сказал:

— Хорошо парнишки потрудились, да и здоровья таёжного поднабрались. Ну, да некогда рассусоливать, давайте грузиться.

Так закончился для городского мальчика Димы этот таёжный поход.

И долго ещё на вопрос, чем он занимался на летних каникулах, Дима с деланной небрежностью отвечал:

— Да так, просто шишковать ездили.

Зимние истории

СОРОКИ

Мне весёлые сороки
Не дают учить уроки.
Ну, о чём они стрекочут
Под окном до самой ночи?
Я пугать их не хочу —
Вместе с ними стрекочу.
Завтра вызовут к доске —
Будет двойка в дневнике!

* * *

Из-за двоек я не плачу.
Я дневник в сарае прячу.
Мама спросит: «Как дела?
Математика была?»
Я отвечу: «Всё прекрасно!
Ты волнуешься напрасно!
По контрольной было «пять»!
Жаль, пропал дневник опять!»

ПОЧЕМУ ЗАГРУСТИЛ СНЕГОВИК

Во дворе загрустил снеговик —
Он ещё сам к себе не привык.
Не привык, потому что вчера
Был он снегом скрипучим с утра.

А ещё он снежинками был
И с метелью кружиться любил.
— Не грусти! — я ему говорю. —
Шар воздушный тебе подарю,
Чтобы мог ты с метелью опять
Над землёю, как прежде, летать!

ТАЙНА

Снежинки в окно заглянули случайно.
Увидели в комнате страшную тайну:
Серёжка на сайте одном в Интернете
Списал реферат о далёкой планете!
А после в стрелялки играл целый час,
Пока на планшете экран не погас.

Лилия Жидкова

МАЛЕНЬКОЕ ЧУДО

Стрелки часов на аптеке Байгера словно замерли, но декабрьские сумерки — как во все времена — наступили скоротечно. От крепнущего света фонарей и яркой неоновой рекламы в городе исподволь светлело. Мерцающий снег под рассеянными лучами автомобильных фар; пёстрые витрины, украшенные еловыми

веточками, перламутровыми шарами, гирляндами; глазающие на эти витрины прохожие (точно на дореволюционных открытках), — всё это напоминало о приближающемся празднике. А я была в одиночестве, потому что друг, с которым мы договорились прогуляться по бульвару имени генерала Ермолова, почему-то опаздывал.

Мимо проносились по спуску гудящие вереницы автомобилей, а я, пытаясь согреться, торопливо шла по заснеженной тихой аллее. Отсюда хорошо просматривались старинные купеческие особняки по правую сторону улицы и уединенная крепостная стена — по левую. Все взрослые под Новый год становятся немного детьми. Вот резвится и играет в снежки молодая супружеская пара, пока бабушка поодаль катит коляску с уснувшим малышом. Откуда-то сверху доносятся счастливые крики детей, катающихся на санках. И показалось, что мужчина с седыми висками, шагающий мне навстречу, прямо сейчас подбросит и поймает трость, вдруг охваченный мальчишеским озорством!

И еще мне подумалось, что в предновогодье часто случаются чудеса. Прохожий приблизился. И я рассмотрела на его морщинистом лице щетину, поймала короткий сосредоточенный взгляд. Он будто прочитал мои мысли на расстоянии, остановился и проговорил озабоченно:

— Девушка, вы такая молодая, красивая. Но почему грустная?

— Грустная? Да нет... Просто с детства жду под Новый год чудес, а ничего необычного не происходит, — пожалала я плечами.

Он задумался, глядя на катящихся с горки ребятишек, и со вздохом произнёс:

— Странное дело, я всю жизнь смешу людей на арене цирка, а вот этим детям для радости и смеха достаточно всего лишь санок да немного снега. — И вдруг, оживившись, незнакомец, благодушно добавил: — Приходите завтра на представление в цирк. Я постараюсь вас развеселить! — и протянул мне листик цветной глянцевой бумаги. — Это приглашение на двоих. Раньше называлось контрамаркой.

— Спасибо большое. Конечно, приду, — поблагодарила я и поднесла бумажку к лицу. На пестром фоне красовалась презабавная рожица с носом-картофелиной, окруженная крупными снежинками. Я улыбнулась и подняла глаза, — о диво! — клоуна рядом не оказалось...

Куда он подевался? Вероятно, его скрыли хлопья повалившего снега? Но я в самом деле ощутила, что мир вокруг стал чуточку добрее. На миг зазевалась — и чуть было не попала под детские, очевидно, еще советского времени, тяжелые санки. Разгоряченный, с алыми яблочками на щеках, в поношенной штопаной куртке мальчишка бежал, везя свою маленькую укутанную шарфом сестричку.

— Тетя, не мешай! — крепыш плечом оттолкнул меня в сторону.

— Погоди! Ты ведь не знаешь... А я волшебница!

— Да ладно... Волшебников не бывает, — насмешливо бросил мальчуган.

— Ты ошибаешься. Я могу, например, пригласить вас в цирк. Хочешь?

Он застыл на месте и, ловко подпернув веревку, остановил санки. Оглянулся.

— Шутишь?

— Держи. Это волшебный пропуск. Надежней, что любые билеты.

— Он настоящий, без подставы? — недоверчиво уставился на меня не улыба. — Мы у мамы одни. Она у нас неблагополучная... Пьет часто. А мы питаемся в школе и в социальном центре посылки получаем.. В цирке ни разу не бывали... А там будет клоун?

— Да, — улыбаясь, ответила я. — Он тоже волшебник. Он умеет маленькую радость делать большой-пребольшой! Сам убедишься...

Алла Халимонова-Мельник

ПУШИСТАЯ СКАЗКА

В пушистых сугробах деревья стоят,
Примерил мой Ставрополь зимний наряд.
Все рады: и взрослые, и детвора,
И город любимый спокоен с утра.

Сквозь кружево снегом покрытых ветвей
Сияет один из прекраснейших дней,
А зимнее солнце с высоких небес
Лучи посылает на город и лес.
Как старая сказка мой город красив!
Он полон берёз и раскидистых ив,
И в зимнюю пору столетья подряд
В пушистых сугробах деревья стоят.

Екатерина Полумискова

НЕСМЕЯНА

66

Как сейчас помню: я, — ученица шестого класса «А». Сельская школа на самой окраине нынешнего пригорода краевой столицы.

Летом там была благодать, дендрарий с цветущими клумбами, альпинарием, розарием и собранными со всего света диковинными редкими растениями, совершенно необыкновенной красоты парк с дорожками и аллеями, выложенными ракушечником и битым кирпичом, фонтанчиком и «родничком», бьющим из-под камней под плакучими ивами. Но зимой эта райская долина превращалась в почти безжизненный остров в дикой степи, где часто не было света, рвались отопительные трубы, случались недельные перебои с водой, а проезжие пути-дороги заносило снегом чуть ли

не по колено. И мы оказывались совершенно отрезанными от внешнего мира.

Так вот, под самый Новый год школьная администрация решила устроить смотр-конкурс на лучший отрывок из сказочного спектакля. Участвовали все — от первоклашек до выпускников. Декабрь наступил неожиданно, как и всё у нас обычно наступает. До «ёлки» оставалось недели три, в самый раз заняться бы подготовкой к празднику. Успеваем как будто. Хотя сначала надо бы сказку для постановки выбрать. А что тут выбирать? «По щучьему велению», однозначно. И легко в роль войти — любому, и текст почти не надо учить — с детства и так всё наизусть знаем. Но наша классная дама, «англичанка», забеспокоилась. И о чём? О костюмах. Родителей срочно собрала и спрашивает: «У кого что есть на такой случай? В смысле — русские народные костюмы. И для русской красавицы, и для Емели, и Царь чтобы тоже не хуже смотрелся».

А кто кого играть будет? — осторожно поинтересовались родители. И вообще, надо же попробовать ребят на роли. Там ведь и ролей-то всего ничего: Емеля, Царевна-Несмеяна и отец её Царь. Бутафории вроде бы многовато: печку нарисовать, из фанеры изготовить, трон соорудить, для Несмеяны какие-нибудь спринцовки под кокошник приспособить, чтобы слёзы фонтаном со сцены аж до середины зала.

В общем, пап и мам эти предновогодние забавы ужасно напрягли.

— У кого костюм подходящим окажется, та девочка и будет играть Несмеяну, — отрезала классная.

— Так красавица же нужна, — неуверенно запротестовали родители.

— А у нас в классе все девочки красивые. Поэтому, главное — выбрать костюм. Некогда перед концом второй четверти конкурсами красоты заниматься. Выберем героиню из того, что есть.

Принесли родители детские новогодние костюмы (у кого что нашлось) и давай выбирать. У Несмеяны, естественно, должен быть самый красивый сарафан и кокошник. Чтобы вот, значит, взглянул на неё Емеля и... куда бы его лень природная делась, а юмор откуда бы только взялся! Чтобы царевна взглянула на него, сразу плакать перестала и засмеялась-заулыбалась, про тоску свою вмиг позабыла. Родители перебирали костюмы, как на выставке народных промыслов, и никто не знал, где чей. Всё по-честному. Пошумели, конечно, а потом единогласно указали на васильковый атласный, люрексом расшитый сарафан и кокошник к нему высокий, из серебристой парчи, стекларусом и рельефными снежинками украшенный. По всему видно, что это должна была быть Снегурочка из зимней сказки, но и для земной царевны наряд тоже вполне бы стоился. Уж

очень хорош! Чей сарафан, спрашивают? Той и быть Царевной, однозначно, без вариантов.

А дело-то всё в том, что этот новогодний костюм именно моим оказался, в прошлом году мама сшила. Я ведь из другой школы перешла сюда совсем недавно, чтоб поближе к дому. Никто ещё не видел меня на маскараде. Мама было запротестовала — у меня тогда горло болело. Выйти на сцену — одно дело, а вот что-нибудь громко на весь зал сказать — уже другое. Но родительское собрание решило бесповоротно: быть мне Несмеяной, и точка. Тем более — отличница, вот и придётся отдуваться за честь класса.

На следующий день учительница после уроков собрала весь наш шестой «А» и объявила, что Несмеяну сыграю я. Емелей будет Олег, директорский сын. А Царём — разумеется, некоронованный «король класса» Игорь. Класс так и ахнул.

Олег, добрый и медлительный, долговязый и чуть курносый, с волнистыми русыми волосами и блуждающей улыбкой на лице, по характеру — вылитый лентяй Емеля, потянулся за партой и с довольным видом огляделся по сторонам. Девчонки на меня с нескрываемым любопытством уставились. А вот Игорь, которого все звали Егором, кстати, мой сосед по парте, спортивный и очень неглупый парень, твёрдый хорошист, как-то недобро усмехнулся

и нахмурился. Но промолчал. Надо сказать, что ребята и даже учителя его уважали — слово своё умел держать. Надёжный был и выносливый, со старшеклассниками мог достойно выяснять отношения, за младших заступался и никогда не завоёвывал спортивных побед в обход правил. Царская роль не могла быть для него обидной в принципе — расчёт верный.

И нам тут же раздали тексты, чтобы мы учили каждый свои роли. Репетицию назначили через неделю. А пока родители занялись изготовлением реквизита и декораций. Репетировали мы строго по расписанию — сначала в классе, потом уже в зале на сцене. И когда до смотра осталось три дня, мы должны были прогнать спектакль в костюмах и без лишних заминок. Приходим после уроков втроём. Переодеваемся и выходим на сцену — я в своём васильковом сарафане и кокошнике, Игорь в царской мантии и короне, и учительница по английскому, наша классная, вбегает следом. А Емели, главного действующего лица, то есть Олега, что-то не видно.

Ждём. Игорь-Егор пожимает плечами, но глаза его угольно-чёрные будто в одну точку сошлись, и брови нахмурены. Что-то знает, но молчит. Вдруг открывается дверь и входит главный герой пьесы в вышитой белой льняной косоворотке, подпоясанной красным атласным кушаком, в полосатых шелковых штанах,

заправленных в сапоги, и... с огромным фингалом под глазом.

Вот те на! Три дня до «ёлки», а тут такое. Учительница схватилась за голову и потянулась за валидолом. Это же невозможно — всё выучить заново и сыграть спектакль с другим исполнителем!

— Олег, как же так! — наконец выдохнула классная дама. — Ты же никогда и ни с кем не дрался!

Олег втянул голову в плечи, мотнул головой и проямлил:

— Да упал я. На чердак полез и оступился, с лестницы слетел. Вооот...

И тут Игорь делает решительный шаг вперёд, хлопает Олега по плечу (отчего тот чуть не падает на пол) и говорит твёрдым голосом, как ни в чём не бывало:

— А что если Емелю сыграю я? Пусть Олег побудет Царём. Корону набекрень надвинет, синяк прикроет, трон боком к зрителям развернёт, чтобы никто ничего не заметил. Ему и говорить-то ничего не нужно — пусть головой кивает и скипетром указывает. Оциклопился не вовремя — бывает...

Затем разворачивает кресло-трон, одним движением толкает к нему подбитого Емелю и срывает с головы свою корону. Тот падает на сиденье и оказывается словно пригвождённым к нему картонной короной, выкрашенной

в золотой цвет и почти прикрывшей распухший глаз. Эх, тяжела ты, «шапка Мономаха»! Предложенный выход оказался гениальным. Мы с учительницей переглянулись. И вспомнилось вдруг, что с неделю назад видели их несколько раз вместе за школьными мастерскими. Мальчишки там всегда отношения выясняют. Видать, не до конца выяснили. Рискованное дело — можно ведь и «неуд» в четверти схлопотать. Зря учителя не посоветовались насчёт ролей — один из мальчиков был «королем класса», а другой — директорский сын.

— А ты сможешь выучить роль Емели? — с дрожью в голосе спросила учительница Игоря и почему-то покраснела.

— А чего там учить? — спокойно отозвался Игорь и пожал плечами. — Я же на всех репетициях был, всё слышал и почти запомнил. Костюм бы мне дома ещё поносить, чтобы привыкнуть, в роль войти.

Вот хитрец-молодец — чтобы другого Емели во всей школе не нашлось! И костюм царский надо было у себя три дня продержать. Ай да Игорёк! И началась генеральная репетиция. Игорь старался, как мог. Роль он знал даже лучше, чем Олег. В одном была проблема — уж больно серьёзным казался Емеля. И вид у него слишком воинственный. Не Емеля, а Соловей-Разбойник! Надо ему Царевну Несмеяну, то есть меня, смешить по ходу пьесы, балагурить,

а он на меня смотрит исподлобья, и кажется, что не ту сказку с таким главным героем надо бы играть. Да поздно что-то менять. Всё вроде бы у меня получается — и плакать, и капризничать, и слёзы двухметровыми струями лить из спринцовок, закреплённых под кокошником (мой папа придумал, как это сделать). А вот засмеяться всё никак не могу. Как-то не по себе.

И вот пришёл праздник. Надо заметить, что Новый год — это такое плавающее во времени торжество, начинающееся где-то в двадцатых числах декабря и растягивающееся на все зимние каникулы. И с горлом у меня был порядок — успела подлечить. И синяк у Олега чуть меньше стал выделяться на лице. А Игорь ходил такой важный, что никто не сомневался: мы возьмём первое место за этот спектакль на конкурсе. Но когда Игорь вышел на сцену и посмотрел в зал (а там яблоку негде было упасть), что-то пошло не так: он позабыл весь свой текст, запаниковал и там, где надо было балагурить и шутить, он вдруг остановился и взглянул на меня так жалобно, как на министерской контрольной по математике. В смысле — помоги, дай списать. Я стала ему беззвучно суфлировать одними губами его же текст, понимая, что сейчас главное для Емели — это рассмешить Несмеяну, то есть меня. И тут меня почему-то прорвало — я еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться, потом уже и не сдерживалась, а весь зал лежал, глядя

как у хохочущей Несмеяны изливались фонтаны слёз из спринцовок, закрепленных под кокошником.

Представляю себе царевну, которая и плакала, и смеялась одновременно. Олег-царь чуть не задохнулся от смеха и при наклоне головы уронил-таки свою корону, и ему пришлось закрывать свой синяк обеими ладонями. Первое место нам было обеспечено, потому что никто и никогда так не смог развеселить всю школу.

ЯНВАРЬ

День сиренево-синий,
Лес в снегу до бровей.
Осыпается иней
Серебристый с ветвей.
Сосны в небе как вышки.
Чуток времени бег.
И лущёные шишки
Плотно впаяны в снег.
Речки розовый глянец,
На снегу — снегири,
Как весёлый румянец
На щеках у зари.

ПРОГУЛКА ПО ПЕРВОМУ СНЕГУ

Ах, какой аппетитный хруст!
Как сухарик, как сахар в чайной.
Даже ветку задеть боюсь,
Чтобы снег не стряхнуть случайно.
По безлюдным местам брожу,
В суть несложных вещей вникаю.
Потому — через раз дышу,
Потому — через два — моргаю.
Здесь замедлило время бег...
Вон как медленно свет кружится.
А за воротом тает снег,
Что случайно стряхнула птица.

75

СНЕГ

Сквозь ограждение моста,
Сквозь кованую вязь ограды
Глядит такая чистота,
Пришедшая со снегопадом.
И в тёмном зеркале пруда
Всё непременно отразится:
Дома, скамейки, люди, птицы,
Деревья, небо, провода —
Как в опрокинутом кино
На перевёрнутом экране.
Скругляя все углы и грани,
Зажжётся в сумерках окно.

И время остановит бег,
Моим желаньям потакая.
И всюду чистота такая,
И всюду только белый снег.

Николай Ананьченко

ВМЕСТЕ С ЗИМОЙ

Зима наступала неспешно и вежливо.
Вначале деревья красиво заснежила,
А следом — сугробы и снежные горки,
Потом и морозец, хрустящий и звонкий.
Ребята достали ледянки и санки
И весело мчатся с горы на полянку.
А кто-то на лыжах гуляет по парку,
Им даже в морозец становится жарко.
Вон папа катает на санках дочурку,
А та прижимает к себе кошку Мурку
И папе кричит:
— Но! Лошадка, быстреей,
Давай-ка обгоним всех наших друзей!
А вот снеговик нас встречает вопросом:
— Где нос?
Ставим шишку ему вместо носа.
Снежки полетели — ответим снежками.
Ура! Побежали! Победа за нами.
Ах, сколько веселья!
Как будто сама
Играет здесь с нами
царица Зима!

Экзамены на носу

ЧАЙ С МАЛИНОВЫМ ВАРЕНЬЕМ

Школа, в которую ходил Саша Жовнер, стояла как раз посередине между паромной переправой и каменным мостиком, и улица под окнами его класса периодически наполнялась перестуком тележных колес по булыжникам и тряским урчанием машин. Тогда голос Варвары Ефимовны исчезал в этом шуме, и можно было пошептаться с соседом по парте Вовкой Коротким, который на самом деле был самым длинным в классе и самым веснушчатым.

А обсудить было что. Заканчивался апрель, на березах набухли почки, вот-вот должен был потечь сладкий сок, и днем под яркими лучами солнца по песчаным улицам уже бежали ручьи.

Лед на реке стал темным и рыхлым, и по нему отваживались ходить только самые отчаянные смельчаки (которым приходилось закраины либо перепрыгивать, либо перебежать по брошенным доскам), и не было дня, чтобы здесь, у самого берега, кто-нибудь не провалился.

Это были последние дни, когда можно было еще покататься на коньках. У Вовки были дутыши, доставшиеся от старшего брата, который осенью ушел в армию и служил где-то на Урале, у Сашки — старые «снегурочки». Они нашли

хорошее место: от Вовкиного дома — он стоял как раз там, где ручей впадал в Двину, — вниз по течению, мимо мостовых быков тянулась ровная бесснежная поверхность.

Она появилась только этой зимой, когда остатки моста перестали перегораживать реку. Под коньками лед шуршал, потрескивал, прогибался, заставляя сердце быстро-быстро колотиться, а потом на берегу долго еще рассказывать друг другу о самых страшных моментах стремительного и опасного бега...

С каждым днем желающих покататься становилось все меньше и меньше, и теперь выходить на лед из пацанов отваживались только Сашка и Вовка. Из них рисковым считался Короткий, потому что был почти на голову выше Сашки и весил больше.

Сашка первым выходил на кромку, потом катил по прозрачному льду, сквозь который возле заводов у камней можно было разглядеть сонных мальков. Но как он ни спешил, на середине дистанции Вовка все равно нагонял его и убегал вперед, и это был самый опасный момент: лед начинал оглушительно рваться, проседать, и Сашка замедлял шаг, уступая без сопротивления.

Но так он поступал только сейчас, когда же лед был крепким, он всегда сопротивлялся до последнего, и нередко они, мешая друг другу, спотыкались и падали, и тогда более легкий

Сашка катился на боку, на спине или животе дальше, без усилий оставляя друга позади...

Затарактела под окнами медлительная телега (одноногий Яшка-цыган вез из пекарни с той стороны хлеб в маленький магазинчик возле школы), и под это нудное тарактенье Сашка задал самый главный вопрос:

— Катнёмся после школы?

Вовка задумался.

— Хлипко уже, — прошептал он.

— Трусишь?

— Я?..

— Жовнер! — Варвара Ефимовна прошла к их парте, встала в проходе. — Что я рассказывала?

Варвара Ефимовна учила их последний год. С пятого класса у них будет много разных предметов и учителей и еще классный руководитель, и об этом было непривычно и в то же время заманчиво думать.

Сашке было немножко жалко Варвару Ефимовну, которая чем-то напоминала его умершую бабушку Марфу Федоровну.

— *Мороз и солнце, день чудесный!*

Еще ты дремлешь, друг прелестный...

По тому, как развеселился класс, Сашка понял, что на этот раз не угадал.

— А что еще знаешь из стихотворений Александра Сергеевича?

— Александра Сергеевича?..

— Пушкина, — свистящим шепотом подсказал Вовка.

Обернулась Катя Савина, отличница и самая красивая девочка в классе, окинула его и Вовку снисходительным взглядом.

*— Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хвороста воз...*

— вдруг ни с того ни с сего, хорошо зная, что это стихотворение Некрасова (учили на той неделе), брякнул Сашка, и сам заулыбался, поддавшись общему веселью, одобренному криками, всхлипами, хлопаньем крышек парт и топотом.

— Са-ша... — удивленно протянула Варвара Ефимовна, и он, насупившись, торопливо отбарабанил:

— Я знаю, это Некрасов... Я хотел другое, вот:

*Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...*

И замолчал, потому что в классе стало оглушительно тихо, и он посмотрел на Варвару

Ефимовну, не понимая, почему все повернулись в его сторону...

— Да, это одно из самых замечательных стихотворений Александра Сергеевича Пушкина, — произнесла Варвара Ефимовна и неторопливо вернулась к столу. — Но мы его не учили, и вы еще не скоро будете изучать... А тебе оно понравилось?

Сашка кивнул.

— И как ты его понял?

— Я?.. Не знаю...

Сашка набычился, уставился в парту, на которой, хоть и замазано было чернилами, можно было прочесть: «Саша+К...». Дальше все было изрезано ножом и букв не разобрать.

— Ну, хорошо... Не будем сейчас говорить об этом стихотворении... Замечательно, что ты любишь Пушкина... Но нужно быть внимательным на уроках. А мы сегодня начинаем изучать басни Крылова... Ты знаешь какую-нибудь?

Сашка помотал головой.

— Ладно, садись и больше не отвлекайся...

Еще раз обернулась Катя Савина, окинула его долгим заинтересованным взглядом и что-то зашептала Наде Беликовой.

Та тоже оглянулась, громко фыркнула, наморщив вздернутый носик, махнула головой, и торчащие в разные стороны маленькие косячки смешно дернулись.

Варвара Ефимовна продолжила свой рассказ о великом баснописце, который всей душой любил русский народ, живущий в невзгодах, и высмеивал через образы различных зверей богатых нетрудящихся граждан.

— Так катаемся или нет? — не спуская с Варвары Ефимовны глаз, нетерпеливо прошептал Сашка.

— Посмотрим, — неуверенно отозвался Вовка. — Какой лед...

— Последний раз...

— Ладно, — решительно кивнул тот.

Теперь, когда было решено, чем они займутся после уроков, надо было придумать, как отомстить этой мартышке Беликовой.

Но придумать Сашка ничего не успел, в коридоре раздался дребезжащий звон колокольчика, который тетя Даша трясла самоотверженно, с чувством исполненного долга, отчего звук его был громким и неприятным, и крышки парт радостно захлопали...

— Побежали!

Сашка догнал у двери Беликову, дернул ее за косичку, побежал дальше по коридору, зная, что она сейчас старается его догнать, и, на ходу вдевая руку в куртку, сшитую из отцовской шинели, выскочил на школьный двор. Здесь он легко увернулся от наконец-то догнавшей его Беликовой, подождал Вовку, вышедшего вместе с Катей, пошел с ними рядом.

— Мимолетное виденье... Это кто же, интересно? — не успокаивалась Беликова, не оставляя надежды достать его портфелем, и он огрел ее сумкой с учебниками и тетрадками.

Она замерла и неожиданно жалобно произнесла:

— А я Варваре Ефимовне пожалуюсь...

— Жалуйся, — легко согласился Сашка, хотя Надька вполне могла наядбедничать, а Варвара Ефимовна потом вызвала бы в школу мать, и он лишился на несколько дней вечерних гуляний.

— Ты не дразни его, — неожиданно вступилась Катя Савина. — Сама виновата.

— Я виновата? — удивилась Надька. — Кать, ты чего?.. Он меня за косичку дернул...

— Потому что ты ему нравишься. Ты и есть виденье, — сказала Катя, и Сашка почувствовал, что краснеет.

— Вот еще... — взвился он. — Да нужна она мне...

— А кто же тогда?..

Катя посмотрела на него, он встретился с ее взглядом, в котором не было никакого любопытства.

— Что вы к нему пристали, — вступился Вовка. — Я сейчас обеим косы оборву...

Он оглядел сверху всех троих, приподнял и опустил длинную Катькину косу.

— Да ну их. — Сашка перехватил поудобнее сумку. — Пошли быстрее, у нас дело есть...

— Какое это у вас дело? — ехидно поинтересовалась Беликова.

Косички ее опять заманчиво закачались, Сашка с трудом сдержался.

— А они на коньках вдоль берега гоняются, — сказала Катя. — Я их видела.

— Да ты что? — Глаза у Беликовой стали совсем круглыми, курносый нос еще больше загнул вверх. — И сейчас гоняются?

— А куда они еще могут торопиться? — догадливо произнесла Катя.

— Вам какое дело... — миролюбиво откликнулся Вовка. — Ну, гоняем...

— Опасно же? — испугалась Надя. — Я видела, как вчера дядька один провалился. Чуть не утонул совсем...

— Давай посмотрим, как они гоняют, — предложила Савина и взглянула на Вовку. — Хотя они передумают...

— Да нам-то что, — отозвался он. — Хочется — глядите.

— А когда?

— Переоденемся — и айда, — неожиданно сказал Вовка, продолжая глядеть на Катю.

— Что ты им все рассказываешь, — Сашка дернул друга за рукав короткого, доставшегося от старшего брата пальто. — Нечего им на нас пялиться.

— Хотят, пусть смотрят.

— Пошли ко мне, — повернулась Катя к подруге. — Пока они переоденутся, мы с тобой

чаю с малиновым вареньем попьем... Успеем посмотреть, как они тонуть будут...

— Вот и пейте свой чай... Дотемна, — пожелал Сашка и на прощанье толкнул Беликову в спину...

На этот раз она его уже не догнала.

...Переодеться и Сашке и Вовке — что перепоясаться: только штаны другие, постарее, натянуть да вместо куртки и пальто надеть телогрейки. Вовка еще поест что-то успел, пока Сашка к нему через ручей бежал, и даже свои дутыши примотал.

Сашка плюхнулся рядом на днище перевернутой лодки Петрухи-рыбака, отдышался, стал «снегурочки» привязывать, исподволь наблюдая за другом.

А тот уже по доске промоину прибрежную перешел и на лед встал. Треск далеко укатился, Вовка назад на доску вскочил.

Сашка палочкой веревку крепления крутить перестал. Но ничего, выдержал лед.

Вовка еще раз на него встал, оттолкнулся, покатился неторопливо вдоль берега, и тут уже Сашке медлить нельзя было, мигом второй конек закрепил, доску пробежал и, не осторожничая, следом заторопился, стараясь обогнать треск...

Вовку он догнал за бетонными быками, перед паромной переправой, где на крутом берегу

стояла скамейка, от которой до Катькиного дома ближе, чем до Вовкиного.

Катка с Беликовой уже на берегу торчали (наверное, чай с вареньем пить не стали), на этой скамеечке чинно сидели, и вокруг них мелкотня увивалась из барака, который за спуском на паром стоял.

А еще взрослые пацаны подошли, это Сашка увидел, а вот кто именно, разглядеть не успел, на остановившегося Вовку наскочил.

А дальше все так быстро произошло, что сообразить ни он, ни Вовка не успели: все вокруг затрещало, ноги разъехались, и вместе с поднимающейся вверх водой до макушки захлестнул страх, а ноги с коньками все опускались и опускались, не встречая опоры, и Сашка стал цепляться руками за встающие торчком льдины, за Вовкину руку, но это лишь замедлило погружение, и наконец вода коснулась лица и накрыла его с головой.

И только тогда он ощутил дно под ногами, подпрыгнул, глотая воздух и пытаясь дотянуться до чего-то чернеющего впереди, но валенки потянули назад, вода опять обожгла лицо, и снова пришлось отталкиваться, пугаясь все больше и больше, но на этот раз наверху его подхватила за ворот Вовкина рука, и он, прежде чем вновь уйти вниз, успел разглядеть Вовкин, задранный над водой, подбородок и где-то

далеко и размыто — сбегających по тропинке парней, а еще выше мелькнули теперь уже не праздно сидящие, а напряженно замершие фигурки одноклассниц и застывшая вокруг них малышня...

На этот раз он пробыл под водой совсем мало, Вовкина рука не отпустила его, потянула за собой, и он нащупал концами «снегурочек» где-то внизу дно, одновременно вытянув нос над водой, и так, медленно, разгоняя льдины в стороны, они побрели к ожидавшим их на берегу парням...

— Ну, вы учудили, — встретил их Петька Дадон. — Кто ж на коньках сейчас катается, на днях лед пойдет...

— А и утонули бы, — пробасил его друг Тимоха, широкоплечий переросток, выдергивая Вовку, а за ним Сашку на берег. — А мамки бы потом выли...

— Не утонули же, — отмахнулся Вовка, опускаясь на грязные камни и отвязывая коньки.

Сашка, трясаясь от холода и испуга, сел рядом, вылил воду из одного валенка, потом из другого, натянул их на мокрые штаны, хотел снять телогрейку, но Петька его остановил.

— Гони домой, малец, — скомандовал он. — Да на печку сразу залазь, а то захиреешь... И ты, Длинный, давай домой... — хлопнул по плечу Вовку. — По-шустрому...

— Мальчики, как же вы так... — вывернулась из-под его руки Надька Беликова, глядя округлившимися, испуганными глазами.

Катя обошла ее, сверху вниз посмотрела на сидящего и так же начинающего дрожать Вовку, неожиданно предложила:

— Пойдемте к нам чай с малиновым вареньем пить, он от простуды помогает...

— Катюха, ты лучше нас пригласи, — сказал Петька, проводя пальцем по наметившимся усам. — Они же тебе все полы дома зальют...

— А ты не тонул, — прищурилась та. — И не мокрый.

— А я бы попил с малиновым, — щелкая зубами, сказал Вовка, поднимаясь и старательно притопывая, чтобы скрыть дрожь. — Вот переоденусь и приду... А ты, Санек?..

Он несильно толкнул друга в плечо, и тот запинаящимся голосом с трудом выговорил:

— Я то-о-же... Пере-о-оде-е-нусь...

— Ладно, валяйте домой, — скомандовал Петька. — Да по печкам, какие там чаи... И мы с Тимохой потопали, раз Катька нас в гости не зовет...

Она что-то ответила, но Сашка уже ничего не слышал и никого не видел: он неуклюже бежал, с трудом поднимая тяжеленные валенки и крепко сжимая в руках холодящие коньки, ощущая, как телогрейка становится все жестче,

а его тело меньше, и пугаясь, что ему совсем расхочется двигаться.

Вдруг непонятно откуда возникли в памяти строки:

...«Отец, слышишь, рубит, а я отвожу...»

В лесу раздавался топор дровосека.

«А что, у отца-то большая семья?»

«Семья-то большая, да два человека

Всего мужиков-то, отец мой да я...» —

и он стал повторять их, не понимая смысла, не помня, откуда они, но приноравливаясь к их ритму, и бежать стало легче, тело вновь стало увеличиваться, заполняя холодное пространство под одеждой, и когда он ввалился в сени, ему уже было совсем тепло...

Он вылез из подмерзшей телогрейки, поставил ее возле печурки, скинул валенки и забросил их на еще теплую печку, стянул штаны и все, что на нем было, голенький пробежал в комнату, нашел в комоде чистые трусы, майку, надел школьные штаны, подумав, достал из-под кровати новые, купленные к весне и еще ни разу не надеванные ботинки, взглянул на мокрую одежду, вздохнул, понимая, что вечером нагоняя не избежать, и не стал ничего убирать, накинув куртку, выскочил на улицу.

...Вовка тоже переоделся, но ему повезло меньше: мать раньше пришла с дежурства и, причитая и ругаясь, уже терла мокрую одежду в корыте, а телогрейка висела на ухвате перед растопленной печкой.

— Куда?! — кинулась она вдогонку и, поняв, что сына не остановить, крикнула: — Иди, пальто накинь!.. Чахотку заработаешь...

Вовка помедлил, но все-таки вернулся, вспомнил чахоточного Петруху-рыбака и вышел в пальто, но застегиваться не стал.

— ...А ничего, — бодро произнес Сашка, — прокатились что надо...

— Ну да, матка тебе вечером всыплет...

— Не всыплет, — насупился тот, но настроение испортилось.

Остальную часть пути прошли молча.

У калитки перед Катькиным домом затоптались, каждый уступал дорогу другому, и неизвестно, как бы долго это продолжалось, если бы в окно их не увидела Беликова и не выскочила во двор.

— Ну что вы там застряли? — распахнула она калитку. — Давайте быстрее, чай остывает...

Сашка еще ни разу не был у Савиных. Он первым, с любопытством оглядываясь, осторожно прошел по вымощенной булыжником дорожке (точно таким же, как на улице на той стороне от парома, к центру, — ее мостили пленные фашисты, когда еще Сашка не

родился) к деревянному крыльцу, выкрашенному голубой и белой краской.

Вовка его обогнал и первым вошел в дом.

Сашка заторопился за ним, снял в сенях ботинки, по пестрым дорожкам прошел в комнату, где за столом перед дымящимися чашками их ждала незнакомая девочка.

И только привыкнув к солнечному свету, падающему из окон, и приглядевшись, он узнал в ней Катьку. Она была в красном в цветочках коротком платье и с распущенной косой.

Но от этого увереннее себя не почувствовал и присел на край выгнутого стула, продолжая разглядывать эту незнакомую девочку.

И что-то в ней было такое, отчего вдруг вспомнились слова Александра Сергеевича Пушкина: «...как мимолетное виденье...», но тут она отошла в сторону, свет из окна вновь ослепил его, он прикрыл глаза, а когда открыл, незнакомой девочки уже не было, а рядом Катька накладывала ему в розетку малиновое варенье.

— Вам надо пить горячий чай. Лучше варенье размешать прямо в нем, — назидательно произнесла она (совсем как Варвара Ефимовна), и сама положила ему в стакан две ложечки варенья. — Если не сладко, добавляйте из розеток.

— Спасибо, — неожиданно вырвалось у Сашки.

Он взглянул на Вовку. Тот уже громко швыркал чай, отправляя перед каждым глотком ложечку с вареньем в рот.

— Вкусное варенье, — сказал он. — Теть Валя варила?

— Бабушка. Маме некогда.

Сашка отпил глоток, зацепил немного варенья на кончик ложечки, положил в рот.

Варенье действительно было вкусным и пахучим. Оно напомнило лето и Вовкин сарай, где ночевали козы, на чердаке в сене хранилась антоновка и осенью стоял яблочный аромат и куда они с Вовкой, когда козы паслись, залезали и, похрустывая яблоками, обсуждали свои дела.

Прошлой осенью они попытались там же покурить папиросы, сделанные из сухих листьев, и чуть не сожгли сарай. Хорошо, дядя Гена, Вовкин отец, приехавший с заработков на отдых (он плотничал по окрестным деревням и бывал дома нечасто), зашел прибрать за козами и сразу выбросил загоревшееся сено на улицу.

Тогда они получили по увесистому подзатыльнику, а Вовке потом еще досталось и ремня. Теперь в сарай они забирались украдкой и курить больше не пытались.

— ...Мы с Катей испугались: ну все, утонули наши мальчики, тебя совсем не видно, с головой ушел, а Вовкина шапка видна была... — делилась впечатлениями Надька Беликова.

— Я на дно встал, там как раз еще камень... — сказал Вовка, вытирая нос рукавом и продолжая налегать на варенье.

— Петька бы их вытащил, — сказала Катя. — Он выше всех.

— Петька просто взрослый, — буркнул Вовка. — Когда я стану взрослым, я буду выше его.

— Конечно, ты будешь выше... И ты молодец, Саша мог утонуть, если бы не ты... — похвалила она.

— Не утонул бы, — обиделся Сашка. — Я тоже дно достал.

— Ну и что, что достал, все равно тебе было с головкой, а Вовка тебя вытащил, — вмешалась Беликова. — Он — настоящий друг. И его надо наградить медалью «За спасение утопающего».

— Это кто утопающий? — Сашка положил ложечку на пустую розетку, отодвинул недопитый чай, угрюмо уставился на Беликову. — Ты еще поговори тут...

— А я его не тащил, — вмешался Вовка, облизывая ложечку и с сожалением поглядывая на пустую розетку. — Так, попался под руку...

— Тебе еще?

Катька добавила варенья Вовке в розетку.

— Саш, а тебе?

— Спасибо... Не буду...

— Тебе надо хорошо прогреться...

— А он заболеть хочет, чтобы в школу не ходить, — ехидно заметила Беликова.

— Никто не хочет болеть, — не согласилась Катя. — Вон Петруха-рыбак всем говорит, что за здоровье все бы отдал, даже мотор лодочный...(У Петрухи-рыбака был самый сильный в округе лодочный мотор.)

— А он хочет, — упрямо повторила Беликова. И ни с того ни с сего добавила: — И вообще, у меня голова от него болит.

Сашка непонимающе взглянул на Беликову, голова от него постоянно болела только у мамы.

— Ты меня за косы дергаешь, а у меня голова болит, — пояснила она таким голосом, словно собиралась заплакать, Сашке вдруг стало её жалко и он сказал:

— Я больше не буду.

— Вот и хорошо, — обрадовано хлопнула в ладоши Катя. — Вот и помирились...

И взглянула на Вовку. Тот уже доел варенье и облизывал ложечку.

— Еще?

— Не надо...

Он довольно откинулся на стуле, огляделся, спросил:

— А чего Сашка не доел?

— Я не хочу больше, — отозвался тот.

— А мне тепло стало, — признался Вовка и повернулся к Кате: — А родители скоро придут?

— Мама еще не скоро, а папа в командировке...

Катькин папа был снабженцем в райпо и в командировки ездил часто, поэтому Сашка его почти не помнил.

Только блестящие сапоги и модный драповый (мать так говорила) пиджак и брюки-галифе. Таким он его запомнил с того дня, когда их принимали в пионеры.

Катькину маму, тетю Валю, он видел несколько раз. Она была невысокой, красивой и, как ему казалось, очень доброй. Она работала заведующей каким-то служебным буфетом в городе, на другой стороне, рано уходила на работу и поздно приходила.

— Не болейте, мальчики, — вдруг просительно произнесла Беликова, и все трое удивленно посмотрели на нее.

— Ты чего, Надюха? — вдруг сорвавшимся голосом спросил Вовка. — Видишь, мы чаю с малиной напузырились, теперь не заболеем.

Но Надька все равно зашмыгала носом, и Катя стала ее успокаивать, и даже вывела в другую комнату.

Надька жила с матерью, отец был художником и жил в Смоленске. Раз в год, как правило — в сентябре, он приезжал к ним, привозил Надьке подарки, гостил несколько дней и снова уезжал.

Когда он приезжал, Надька с гордостью ходила с ним по улицам, а тетя Ксения стеснялась, потому что работала нянечкой в больнице

и была не чета художнику (так говорили взрослые).

— Ладно, нам пора идти, — поднялся из-за стола Вовка. — В гостях меру знать надо.

— Попейте еще, — появилась из другой комнаты Катя, а следом за ней, промокая белым платочком под глазами, вышла Надя.

— Да мы ж не лошади, — брякнул Вовка и тут же исправился: — Очень вкусно было...

— Саня... — Надя тронула Сашку за рукав. — Давай не будем ссориться... Никогда...

— А я... — Он хотел сказать, что это оттого, что она вредная, но посмотрел на нее и только добавил: — Ладно...

— Дай честное слово, что ты ее не будешь дергать за косы и бить сумкой, — вмешалась Катя.

— Да я...

— Дай ты им слово, — сказал Вовка, надевая пальто. — Чего тебе стоит...

— Нет. Слово должно быть твердое, как у взрослых, — неожиданно серьезно произнесла Катя. — И ты тоже, Вова, меня больше не задевай... Давай просто дружить...

— Ладно, будем просто дружить, — миролюбиво согласился тот.

— А ты, Саша?

— Будем дружить... — послушно кивнул он и стал торопливо зашнуровывать ботинки.

— Хорошо, мальчики... Хорошо, что вы не утонули, — со вздохом облегчения произнесла Надя.

Они торопливо прошли через двор, выскочили на улицу, и Вовка наконец выпалил с трудом удерживаемое:

— Ну и дура эта Беликова. Мало ты ее колотил...

— Теперь все, — вздохнул Сашка. — Слово дали... Дружить...

— Да ладно, подумаешь, слово...

— Нет... Раз дали, надо держать...

— погоди вот, матка вечером тебе всыплет, и подраться захочется...

— Не всыплет, — огорчился Сашка и заторопился: — Я пошел, надо кур покормить, мамка просила...

— Я тоже уроки учить пойду...

Они махнули друг другу и неохотно разошлись...

Сергей Рыбалко

ОЛЕНИХА

Поезд шёл вдоль тайги утром тихим.
Вдруг неожиданно ему на пути,
Как стена, встала мать-олениха,
Не желавшая с рельсов сойти.

И тревога в глазах появилась.
Машинист подавать стал гудки:
«Вот дурёха! Знать, что-то случилось?
Тормози! Вылезай, мужики!»

Упираясь копытами в шпалы
И мотая слегка головой,
Она к помощи будто взывала,
На людей глядя грустно, с мольбой.

В этом взгляде, исполненном воли,
Где отчаянья бились флажки,
Было столько пронзительной боли
И большой человеческой тоски!

Что-то «мукая» жалобно, сирю,
Олениха с дороги сошла
И пришедших на зов пассажиров
За собою в тайгу повела.

Подойдя к куче лапника вскоре,
Где меж елей спала тишина,
Стала будто в отчаянном горе
Бить копытами в землю она.

Посредине таёжной опушки,
Где разлапились ели одни,
Оленёнка из ямы-ловушки
Извлекли из-под веток они.

Сколько трепетной радости было!
Олениха, счастливая мать,
Стала с нежностью, с ласкою милой
Языком оленёнка лизать.

А малыш в её брюхо уткнулся,
Припадая к соскам шёлком губ,
И, насытившись, вдруг встрепелся,
Он отправился с мамой в тайгу.

С той поры, только поезд проходит,
Каждый раз из тайги, как рассвет,
С малышом олениха выходит,
Благодарно кивая вослед.

Тамара Лангуева

ЮНЫЙ МАСТЕР

Третьеклассник Артёмка вместе с мамой, после её развода с отчимом, стали жить у бабушки на квартире, в доме, который почему-то многие называли «сталинкой». Вообще дом отличался от остальных зданий, стоящих рядом, «шикарной красотой» лепнины на фасаде и узорными балконами.

Семидесятилетняя бабушка Зоя говорила с гордостью: «Такой красоты нынче не сыщешь.

Сейчас строят простые коробки с низкими потолками».

Во время Великой Отечественной войны в подвале дома находилось вместительное бомбоубежище. А ещё в каждой квартире дома имелись чуланы, такие маленькие комнатки без окон.

Сколько в чуланах хранилось всякого добра (сейчас бы сказали —хлама!) — и в сказке не рассказать. Например, у бабули там стояла швейная машинка «Зингер», маленький раритетный столик на резных вычурных ножках, а на нём — розовый абажур и целая куча грампластинок. Но самое главное, в левом дальнем углу чулана Артём как-то нашёл маленькую деревянную шкатулочку размером с ладонь.

В апреле, в канун своего дня рождения, баба Зоя заболела, и её отвезли на «скорой» в городскую больницу. Артёмкина мама места себе не находила и обмолвилась, что хорошо бы внуку «смастерить для бабули Зои какой-нибудь нехитрый, но приятный подарок». Ведь ничто так не порадует и не придаст ей сил, как поделка, сделанная детскими руками.

До дня рождения бабушки оставалось несколько дней. И принялся Артём размышлять, что же такое смастерить ему для своей любимой бабули. И его вдруг осенило: «А что если отреставрировать ту самую деревянную шкатулочку, которая без дела валялась в чулане? Вдохнуть

в неё новую жизнь? Вот здорово! В ней баба Зоя будет хранить потом свои «первостепенные лекарства». Ведь «второстепенные лекарства» у бабули были почему-то собраны в один, изрядно потрёпанный «серо-буро-малиновый» мешочек, который всегда лежал в верхнем ящике комода в её спальне.

Артём принёс из чулана деревянную шкатулочку и принялся вертеть в руках. Она была старая-престарая... Лак местами потрескался, а на поверхности кое-где виднелись едва заметные тёмные пятнышки. Однако внутренняя часть шкатулки с бордовым бархатом хорошо сохранилась.

За наждачной бумагой Артёмке пришлось сбегать на четвёртый этаж к своему приятелю Максиму. Тот ему дал аж целых два больших листа наждачки: один — с грубой крупнозернистой поверхностью, а другой — с мелкой.

Когда шкатулка была зачищена наждачкой, Артём снова приуныл. Что же делать дальше? Он задумчиво посмотрел в окно. На улице накрапывал дождь, и его редкие капли глухо разбивались о крыши стоявших во дворе автомашин. Рыжая кошка Мурка сидела на подоконнике и печально глядела на Артёмку.

«Чем же теперь покрасить шкатулку, ведь на её крышке процарапан такой красивый рисунок?» — размышлял мальчик. Ажурные узоры Артёмке не хотелось закрашивать густой

краской. «Надо обязательно их сохранить, только для этого потребуется морилка, но её нет! А вдруг акварельная краска поможет?.. Конечно!» — решил он.

Юный мастер долго копался в ящиках письменного стола в безуспешных поисках краски. Зато неожиданно нашёлся лак в старом секрете. Мальчик прочитал этикетку на пузырьке: «Лак акриловый для художественных работ».

«То, что надо! — воскликнул вслух Артём. — Но всё-таки, как же быть с краской?!»

Голодное урчание в животе прервало его размышления — натошак совсем не думается, как бабуля ему часто говорила, когда закармливала пирожками. Он потянулся к холодильнику. Чего только там не было! Это мама постаралась — и сыр, и макароны по-флотски, и колбаса копчёная, и кефир, а в кухонном шкафу Артёмку дожидался белый хлеб и булочки. Плотно перекусив, Артём поставил остатки продуктов в холодильник, резко захлопнул дверцу и неожиданно услышал, как что-то внутри холодильника затарахтело. Как будто теперь холодильнику есть захотелось. Мальчик осторожно приоткрыл дверцу и увидел, что пластиковая бутылка с кефиром лежит на боку, а её содержимое начало медленно просачиваться из-под слабо прикрученной пробки. Пришлось взять хозяйственную губку и собрать белую жижу

в тазик. Какой же он неловкий сегодня, никак не может сосредоточиться!

Артёмка сопел от негодования и даже чуть не заплакал. Тут вдруг Мурка спрыгнула с подоконника и принялась настойчиво тереться у ног Артёма. Он попятился и случайно задел локтем крошечную полочку на дверце холодильника. С неё посыпались на пол какие-то цветные маленькие пакетики. Это была пищевая краска для пасхальных яиц. Ну, наконец-то, нашлась замена акварельным краскам! Расцеловав свою рыжую помощницу Мурку, довольный Артёмка достал из навесного шкафчика блюдце, налил туда немного тёплой воды и развёл краску. Из трёх цветов (розового, зелёного и оранжевого) юный мастер выбрал оранжевый, искусно прошёлся кисточкой по деревянной поверхности крышки шкатулки. На ней проявился красивый естественный оттенок, словно это была не простая деревяшка, а кусок дорогого красного дерева. Теперь надо было подождать, пока крышка немного просохнет и, убедившись в том, что цвет остался прежним, окрашивать на кухонном столе всю шкатулку. Вышло замечательно! Даже киска Мурка пришла посмотреть, затем три раза махнула пушистым хвостом и по-доброму протяжно промяукала, как будто бы одобрила работу юного мастера. Осталось покрыть шкатулку лаком, когда краска полностью просохнет — и всё.

Наступил долгожданный бабушкин день рождения. Артём с мамой стояли в просторном больничном коридоре: мама — с букетом сияющих белых роз, Артёмка — с пакетом, в котором вместе со всякой вкуснятиной лежала в красной коробочке отреставрированная деревянная бабушкина шкатулка. Когда им навстречу из самой дальней палаты вышла бабушка Зоя в своём новом сиреновом халате, Артёмка бросился к ней:

— А я для тебя, бабуля, в честь дня твоего рождения шкатулочку старую отреставрировал. Сам. Никто не помогал. Это тебе подарок! Живи долго, будь здоровой!

Растроганная бабушка всплеснула руками и воскликнула:

— Вот уж не ожидала!.. Я ведь давно эту шкатулочку искала, думала, потерялась... Где же ты, внучек, её нашёл?

— В чулане. А ты коробочку-то открой и посмотри, какой эта шкатулка теперь стала, — заметил гордо Артём и шмыгнул носом.

Баба Зоя с удивлением рассматривала своё «сокровище», затем крепко обняла внука. В коридоре было прохладно, но Артёмка ощутил, какие горячие у бабули руки. Наверное, от того, что она шкатулочку эту в руки взяла, а ведь внук в неё частичку души своей вложил, когда столько трудился над ней.

— Ой, какая великолепная! Ты, Артёмка, настоящий мастер, своими руками чудо совершил! Не только вещицу эту, но и как будто меня саму к жизни вернул. Ты ведь не знал, что шкатулочку мне твой дедушка Ваня когда-то очень давно подарил. Как же она мне дорога! — запричитала баба Зоя восторженно, и в её глазах заблестели слёзы.

Николай Ананьченко

СКОЛЬКО ВЕСЯТ ОЦЕНКИ

107

Вчера из школы шёл домой,
Был лёгким ранец за спиной.
А в нём лежало восемь книг,
Пенал, тетрадки и дневник.

И был готов я всем кричать,
Что в дневнике оценка «Пять»!
Сегодня ранец так тяжёл,
Как будто слон туда вошёл.

Там пара книжек и пенал,
Дневник... Зачем его я брал?!
Тащусь, как из последних сил...
Сегодня двойку получил.

ЧТОБ ОТ ЖИЗНИ НЕ ОТСТАТЬ

За отличную учёбу
Подарили мне планшет,
Не отстал от жизни чтобы,
Чтоб освоил интернет.

Я его освоил. Только
Днями в нём сижу, сижу...
И теперь лишь двойки-тройки
В дневнике я приношу.

Я подумал:
— Странно, братцы,
Чтоб от жизни не отстать,
С интернетом разобраться,
Надо двоечником стать?

Спрятал я без сожаленья
Мне подаренный планшет.
Понял, что для обучения
Лучше книги средства нет.

ШКОЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Взгляд со стороны

Как-то заспорили между собой мальчишки-одноклассники, выбирая, кто из них будет представлять свой 7 «Б» на общешкольном конкурсе команд КВН, посвящённом Дню защитника Отечества.

Алексей, не задумываясь, предложил свою кандидатуру:

— Я в нашем классе самый высокий и красивый, как говорят девчонки, и самый умный, и находчивый, как утверждает наш военрук. Не сижу долго за уроками, не зубрю, но очень редко получаю двойки! Выкручусь из любой ситуации. Где-то привру, где-то польщу, где-то пошучу — и всё прекрасно! Лучшего капитана не найти! Не забывайте, что моя мама вас всех учит английскому языку и является классным руководителем!

Василий возмутился:

— Причём тут твоя мама? Ты, Алексей, изворотливый хвостун. Капитаном нужно быть мне — отличнику, эрудиту и спортсмену. Мой старший брат Игорь тренирует вас по настоящему теннису, а папа подарил для этого и теннисный стол, и всё остальное!

Сергей даже рассмеялся:

— Василий, Игорь и твой папа — не наши одноклассники! А ты хвастун, как и Алексей! Для капитана это плохо!

Толик поддержал Сергея:

— Я тоже так думаю, надо выбрать в команду самых достойных, весёлых и находчивых, тех, кто умеет работать не на себя, а на команду.

Олег предложил:

— Давайте вспомним игру нашей команды в прошлом году. Обсудим и решим вместе, что нужно изменить, чтобы команда не проиграла, как тогда! Каждому из нас нужно думать не о том, как прославиться самому, а как добиться командной победы. Наша команда должна быть сплочённой, весёлой, находчивой, артистичной, спортивной, коммуникабельной, симпатичной, неповторимой, особенной! Вот тогда и победим! У каждого из нас есть своя изюминка, свой талант, свои способности, если их собрать, как цветы в букет, получится красивый подарок для зрителей, и мы победим!

Сергей предложил:

— Давайте попросим девчонок, чтобы они, без нас, завтра выбрали членов команды на закрытых выборах.

Алёша возразил:

— Не получится! У каждой из них своё мнение! Ещё и поссорятся из-за нас!

Василий заключил:

— Это самый честный вариант! Взгляд со стороны всегда точнее и правдивее, чем в зеркало!

Так и решили! И всё получилось! Команда, состоявшая из шестерых мальчишек и четырёх девчонок, одна из которой была капитаном, заняла первое место и в школе, и в городе, и в районе!

Ранняя клубника

Тёплым майским вечером мальчишки и девчонки на выгоне ожидали стадо коров с пастбища.

Мальчишки гоняли футбольный мяч. Девчонки обсуждали наряды ко дню Победы. Неожиданно Генка, на правах капитана команды, остановил игру и объявил:

— Всё! Баста! Вы, как сытые коровы, еле переставляете ноги! Объявляю, что назначаю Василия вторым капитаном! Он — отличник и спортсмен. А главное, умеет находить общий язык с любым, даже с бабкой Дарьей, которая, как соседка и бывшая учительница моих родителей, вечно меня воспитывает: «Геннадий, не стыдно плохие слова говорить? Рядом — женщины, девочки! Ты же спортсмен, будущий наш защитник, может, на Олимпийские игры поедешь или станешь героем России! Не позорь

Ставрополье, наше село, нашу школу, в которой я учила твоих родителей!»

— Она меня так разозлила, — продолжал Генка, — что камнями чуть стёкла в окнах ей не разбил! Жаль, не попал! Дом выбелила, забор покрасила ко Дню Победы, будто имеет к этому отношение. Да, дед был ветеран с медалями, но он умер. Она — просто вдова! И нечего примазываться! Хотите попробовать её ранней клубники? Да хоть сейчас, её дома нет, пошла с цветами на кладбище, на могилу деда. У неё собаки нет! Я давно сделал лаз, и теперь в её огороде и в саду всё — в моём распоряжении!

Василий, не проявляя никакого восторга от предложенной ему Генкой должности второго капитана, возмутился:

— Да ты, Генка, — вор и этим хвалишься? Позоришь свою семью, весь наш класс! Ты что, — совсем конченный дурак? Дарья Ивановна — уважаемый человек в селе! Это мы, твои одноклассники, помогли ей побелить дом и покрасить забор, пока ты в город ездил есть мороженое и прогуливаться в парке. Помогли потому, что её оба сына, участники спецоперации, сейчас воюют с фашистами, как воевала и она, ещё юной разведчицей, в годы Великой Отечественной войны. Её снохи и внуки не смогли, как всегда, приехать в гости, отвезти её знаменитой ранней клубники. И Дарья Ивановна угощает всех соседских детей! Вот,

смотри, и нам всем несёт! А ты ей камнями в окна, разоряешь огород и сад! Забудь, что я твой друг, ты мне больше не капитан!

— Васёк! Ты чё? Я же просто тебя проверял! Чтобы не подлизывались, какой я крутой и смелый! Отец меня выпорол бы за это так, что я не только не смог бы гонять в футбол, но и сидеть. У него и у мамы Дарья Ивановна была любимой учительницей! И лаза я не делал, мы же соседи!

— Ну и шутки у тебя, Генка, идиотские! Беги Дарье Ивановне навстречу, помоги нести кузовок с клубникой. Ей тяжело идти, выгон — не городской асфальт, может и споткнуться, не дай бог!

И Генка ринулся на помощь с криком:

— Дарья Ивановна! Стойте на месте! Вам же тяжело! Я сейчас помогу! Там, у последнего двора, скамейка есть, присядьте на неё и подождите! Я уже бегу!!!

КОМНАТА БОЕВОЙ СЛАВЫ

Двери открыл навстречу
Отзвук далёких лет.
В комнате славы вечной
Яркий зажётся свет.

Как же могло случиться?
Столько померкло глаз!..
Наших героев лица
Молча глядят на нас.

Куников и Ходенко,
Лётчики и врачи...
Вот Мурадян, Шульженко...
Сердце сильнее стучит.

Подвиг Новороссийска,
Помощь Геленджика,–
Будут с тобой, Россия,
В памяти. На века...

Мирно под небом синим
Жизни текут года.
Скажем тебе: «Спасибо,
Славной страны солдат!»

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Год памяти и славы
Приветствует страну.
Наш мир и наша правда...
И не забыть войну.

Мы помним всех погибших.
Раскат войны умолк.
Но вся планета слышит:
Идёт бессмертный полк.

Страны великой знамя...
И все бойцы в строю.
Жива святая память.
Над Родиной — салют.

115

Спасенная держава...
Бессмертная судьба...
Единство...
Верность...
Слава...
Победная весна...

ДЕВЯТОЕ МАЯ

Каждый год, словно долг выполняя,
Распускается щедро сирень.
День Победы.
Наш памятный день —
Светлый праздник — Девятое мая.

Год от года понятнее горе,
Боль утраты и радость наград.
На земле, в небесах и на море
Погибал человек, мой собрат.
Разве можно букетом сирени
Эту общую боль искупить?
Тот, кто умер на поле сражений,
Остаётся в истории жить...

Анатолий Маслов

МАНЕЧКА

1

После пополудни Манечка с бабушкой получили письмо от папы. Он просил, чтобы Манечка с мамой приехали. Хотел повидаться

перед отправкой на фронт. Мамы дома не было, пошла на элеватор, надеясь выменять пальто на продукты.

Ехать было не в чем. Обувь у Манечки нет. Порылись с бабушкой в чулане по закоулкам, нашли ботинки разных размеров, один Шурин, другой Стюрин. Хорошо хоть не на одну ногу. Мама перед тем сшила ей тёплое платье из толстых расписных полотенец.

Девочке так сильно хотелось увидеться с отцом, что она сказала бабушке:

— Пойду на станцию, там буду маму дожидаться.

Как будто это приближало её встречу с родителем. Бабушка нарядила её в свою кофту без воротника, подвязала оборкой, а сверху маминой шалью покрыла... Тонкая такая, чёрная с зелёным. Она ей прикрыла всё до самых пят. Мимо двора как раз шла тётка Анютка Кандаурова.

Бабушка спросила:

— Куды идёшь, Ньюра?

— На хутор Весёлый.

— Доведи Манечку до станции, — попросила бабушка и сообщила: — Утром поездом с матерью к отцу собираются.

— А чего ж щас-то идёть?

— Не сидится дома.

А дело уже к вечеру. Пошли они элеваторской лесополосой от станицы на север в сторону

железной дороги. Расстояние — и двух вёрст не будет.

По пути стоят несколько скамеек, специально устроенных для отдыха путников, — по выходным дням жители ближних хуторов ходят в центр станицы за покупками в магазины: продовольственный или «скобяной», и в Никольскую церковь на службу.

На корявых ветвях старых акаций покрикивали вороны, слетающиеся с полей на ночлег. Со стороны Залесенки из глубокой лощины, ближе к Егорлыку, от кошары забрежали чабанские собаки.

И полдороги не прошли, видят: мама с кем-то на подводе навстречу едет и два мешка пшеницы за пальто везёт, кричит издали:

— А ты куды это на ночь глядя нарунжылась?!

— К папы на войну... — ответила Манечка и рассказала про письмо.

— Ладно, иди, дожидайся меня на станции, — подумав, решила мама. — Отвезу пшеницу домой, позже приду.

2

Всю ночь просидела Манечка на вокзале, карауля дверь в кассу. Вот откроется она, выйдет кассир, девчушка ему в ноги кланяется, просит жалостно:

— Дядя, дай мне билет к папы...

— А куда это, милая? — спросит тот из любопытства, хоть знает, что билетов нет, но надежду своим вопросом ребёнку подарит.

— На войну...

Жалко ему девчушку:

— А кто же твой папа? — спросит и подумает: «Может, знаю его...».

Манечка встрепет, решив, что сейчас точно будет билет, когда узнает, кто её папа.

Но вздохнёт кассир о превратностях судьбы и скажет:

— Прости, голуба моя, билетов нет! — и, ссутулившись, пойдёт мимо.

...Ближе к утру пришла мама с сестрицей Шурой, что напросилась в провожатые. Они знали, в какое время идёт пассажирский поезд на Краснодар. Мама попыталась добыть билеты, но кассир объяснил:

— Все вагоны ещё в Ставрополе забиты, может, кто из проводников пустит, попытайся...

Манечка расстроилась:

— Что же нам теперь делать?! — вопрошала она. — Ведь папа нас ждёт!

— Зайчиком поедem, — ответила горестно мама.

А Манечка и не знала, как это — зайчиком ехать...

Вот пришёл поезд, постоял всего минутку. Мама бегала от вагона к вагону, просила

пустить, но проводники лишь руками разводили:

— Народу — не пробиться!

Машинист дал гудок, и Манечка с мамой снова заметались, понимая, что если сейчас не сядут на поезд, может, и вовсе не увидятся с отцом. Мама вскочила на подножку проходящего вагона, просунула правую руку в проём поручней, перебросила в неё сумку, а левую протянула Манечке:

— Хватайся скорее!..

И поддёрнула её к себе, успев крепко обхватить под спину, рискуя вместе с дочерью свалиться под колёса.

Так они ехали почти до Расшеватки.

Вдруг открылась дверь, и Манечка увидела военного. Сначала испугалась, что поругает, но тот быстро подхватил её за руки и поднял в тамбур. Потом помог взобраться и матери, сказал:

— Проходите в вагон...

Там устроил на своё место, посадив девочку к себе на колени, дал кусочек чёрного хлеба и стал расспрашивать обо всём.

— И у меня такая же дочь, — сказал грустно и до самого расставания в Кропоткине общался с девочкой, может, представляя в ней своего ребёнка.

С долгими остановками доехали до станции Милованово и на ней простояли шесть

часов, дальше не пускали — немцы бомбили Краснодар.

Ночью по вагонам бегал солдат и объявлял:

— Кто в Ново-Титоровку, сходите в Васюринской, мы уже здесь!

3

...Ах, как радостно было Манечке увидеть на перроне отца!

Он тоже заметил их и закричал счастливый:

— Доченька моя ненаглядная приехала! — и бросился к вагону. А Манечка, словно взъерошенный воробышек, порхнула к отцу из тамбура, не боясь упасть. Он на лету подхватил её и трепетно прижал к себе.

— Ах, папа, папенька! — ласково шептала девочка и заглядывала ему в глаза, целовала в лоб и щёки, в подбородок и брови, тонкой ручонкой бережно гладила отцовские волосы. — Родненький мой, как я по тебе соскучилась!

Они и расстались-то всего две недели назад, когда отца вместе с другими станичниками и хуторянами провожали на войну с фашистами на станции Егорлык, где был отправной пункт.

Манечка помнила: женщины горько плакали, а мужчины почему-то были веселы и обещали:

— Не горюйте, бабоньки, не успеют и кровати за нами остынуть, а мы — вот они, встречайте, вернулись с победой!

Но вскоре Манечка случайно услышала, как мама с бабушкой шептались, что на станцию Егорлык в хутор Весёлый пришла первая похоронка.

...Отец поперхнулся слёзным комом и отвернулся, стараясь не заплакать, понимая, что это свидание может быть последним в их жизни. Скоро отправят на фронт, и кто может знать дальнейшую свою судьбу?!

Он определил их на постой к одинокой старушке, накупил еды: сушки, орехов и много ещё чего, целую сумку... Долго беседовал с женой о доме, о детях... И в тот же вечер обратным поездом смог отправить её домой с продуктами.

Манечка осталась на квартире.

Папа договорился в военной столовой, чтобы в обед ей давали кашу. Девочка приходила туда в назначенный срок и представлялась:

— Третья рота, третий взвод, первое отделение, Шелухина Манечка.

Повар поправлял свою шапочку, хитро улыбался и говорил громко, чтобы все слышали:

— Ну, держись, Гитлер, пришёл тебе капут! У нас в батальоне есть Манечка!

Солдаты весело переговаривались, испытывая душевное тепло от присутствия девочки. Так она и «служила»...

...Мама вернулась как раз вовремя. В тот день папу и других солдат повезли в баню, и мама поехала с ними в город, а Манечка осталась с хозяйкой. Потом ей стало одиноко, и она попросилась погулять.

— Дальше двора не уходи, — разрешила старушка.

В обед прозвучала воздушная тревога. Манечка услышала с неба раскаты грома, но это был гул немецких самолётов. Они стали бомбить Краснодар.

Растерянная девочка в испуге побежала по улице и кричала. Потом забилась в тёмный угол под лестницей в подъезде какого-то строения, наивно полагая, что там бомба не достанет. Неожиданно всё стихло.

Прозвучал отбой воздушной тревоге. Манечка опасливо приоткрыла дверь, выглянула наружу, посмотрела в разные стороны и осторожно вышла на улицу. Людей было немного, и все они куда-то спешили.

И Манечка заторопилась на квартиру, думая, что мама к тому времени вернулась. Вдруг она увидела: идут военные, и впереди её папа! Высокий, в кубанке с зелёным верхом.

Девочка побежала к нему и закричала обрадованно:

— Папа, ты живой!

Она не слышала, но видела: отец обратился к командиру, и тот разрешил ему выйти из строя.

— Доченька, — сказал папа, — сейчас ты пойдёшь домой, а я в казарму, а вечером приду к вам с мамой и принесу тебе подарочек.

И побежал догонять строй, а она всё махала ему вслед и думала: «Какой подарочек принесёт мне папа?»

Вечером он принёс ей сладкий пушистый пончик и красные финские ботинки в картонной коробке. Они были так не похожи на её развалюхи!

Такой красивой обуви у Манечки в жизни не бывало!

Папа попросил примерить ботиночки, проверил: удобны ли, и был счастлив, что доставил дочери несказанную радость.

5

...Ночью они уезжали. Отец поехал их провожать, и всё просил, чтобы мама не плакала.

— А то Манечка на весь вокзал будет рыдать, — говорил он встревоженно.

Посадил их в вагон, а сам стоял на перроне, улыбался и помахивал ладошкой. Манечка подумала: «Как птичка крылышком...»

Но вот поезд тронулся, и девочка увидела в окно, что папа заплакал, как ребёнок, обхватив руками голову.

Может, сердцем чувствовал, что никогда больше не увидятся.

И Манечка зарыдала в голос, и мама заплакала, и так до самой Кавказской.

— Не плачь, Манечка, — уговаривали солдаты, — папа обязательно вернётся, он останется живой!

Но ей трудно было сдерживаться!

И никто не мог её успокоить.

...Манечка росла в хорошей семье, у них было семеро детей, и все жили в любви и радости.

125

Папа ходил с ними в церковь, и на печке сказки им рассказывал, и старые казачьи песни с ними разучивал.

А Манечка всегда была запевалой. Как жить им теперь без папы?! И как долго продлится война?

И только солдатские песни успокоили девочку. Вот запели под гармошку:

*Вишенка-черешенка, ягодка смачна,
Видно ты не здешняя, что идёшь одна,
Вишенка-черешенка, в раннем саду
Хоть и осторожно, рядом я пойду.*

Затихла Манечка... А следом бодро затянули переделанную «Катюшу»:

*Расцветали яблони и груши,
Дрожь колотит немца за рекой —
Это наша русская «Катюша»
Немчуре «поёт» за упокой.
В страхе немец в яму прыгать станет,
Головой зароется в сугроб,
Но и там его мы, друг, достанем,
И станцует немец прямо в гроб.*

Прислушалась Манечка и успокоилась — в песне была надежда на нашу победу; улыбнулась, прижимая к груди красные ботиночки, а потом и вовсе уснула под ритмичный перестук колёс, уткнувшись носиком в тёплую мамину подмышку.

И приснился ей радостный сон, в котором все были ещё живы — и папа, и бабушка...

Папа был в белой нательной рубашке и сидел, как всегда, в центре стола под иконой Божьей Матери, а вокруг — вся его счастливая семья...

**УРА,
КАНИКУЛЫ!**

АКТРИСА

Закрываю глаза, и — всплывает картина из детства, как будто это было вчера...

Вот я совсем маленькая в большом дедушкином кресле. Не сижу, — а точно на троне восседаю, — подогнув под себя ноги в шерстяных носочках, на мне вязаная жилеточка, в руках — книга сказок, которую медленно листаю. Книжка почему-то без картинок.

В полной тишине слышен шелест новеньких, склеившихся страниц и тиканье настенных часов с олимпийским мишкой.

Я знаю, что родители заберут меня домой не скоро, потому что у меня температура. Сейчас никого в доме нет — дедушка в мастерской делает что-то из дерева, а бабушка хлопочет на огороде. Из окна мне видна её согнутая спина.

Мне скучно, потому что на улицу меня не пускают, а там всё такое яркое, светит солнышко, качели зовут к себе, спеют сливы. Только и остаётся, что смотреть через стекло на огород и во двор, где так хорошо...

И здесь, в комнате, тепло, уютно. Висит на стене пёстрый домотканый ковёр с лебедями на пруду, казаком и казачкой на берегу. В шкафы бабуля разложила сухие веточки полыни и шалфея от моли, слишком сильно пахнет, аж

кружится голова. На дверце шкафа зеркало. Смотрюсь в него и развлекаю себя тем, что корчу рожицы. До трюмо я не дотянусь, но до ящика, где бабушка прячет свои пудру с помадой, точно достану.

«Сейчас буду, как мама», — думаю я и мажу алой помадой по губам, пудрю щёки, но мне всё равно кажется этого мало.

Из открытого шифоньера торчит пушистая шаль, которую бабушка надевает только по праздникам. Заворачиваюсь в неё, томно вздыхаю и строю глазки зеркалу, — «Вот теперь неземная красота».

Слышу тяжёлые шаги, визг открывающейся двери:

«Ну всё, мне хана. Дед идёт лечить горячим козьим молоком с содой», — жмурюсь я и быстро прячусь с головой под мягкий плед на диванчике.

Дедушка поднимает его уголок. От него пахнет воском, мёдом и солнышком. Весь дом напоён ароматами пасеки. Этот сладкий с лёгкой горчинкой запах немного щекочет нос и горло, но это, наверное, оттого, что я болею. Бабушка принесла ведёрко яблок. И к медовому духу добавилась легкая кислинка. Так пахнут спелые яблоки.

Дедушка померил температуру, её нет.

— Вставай, актриса моя, для тебя сюрприз, — улыбается дед.

И я вижу, что в руках у него крошечная табуретка.

Я изо всех сил обнимаю дедушку за жилистую шею. Кроме мёда он пахнет свежими сосновыми стружками. Нам обоим весело. Ставлю табуретку на стул, лезу наверх, встаю и начинаю петь, хмуря брови и размахивая руками:

— Возле старой ёлки, ёлки, ёлки

Жили злые волки, волки, волки...

Дед и бабушка покатываются со смеху. И никто, кроме меня, не замечает, как тихонько просочилась в дом кошка Белочка, села в проёме двери и начала то ли умываться, то ли в лапки хлопать.

Александр Мосиенко

ПУШИСТИК

Автобус, до отказа забитый студентами с рюкзаками, медленно полз по горной дороге. Рюкзаки, не поместившиеся в багажник, лежали в проходе между кресел. Пассажиры весело шутили, предвкушая долгожданный отдых.

Алька, семилетний мальчик, ехал с мамой. Это была его четвёртая поездка в горы. Там он ежегодно загорал, купался в ледяной речке Дамхурц, ходил по грибы, набирался сил. Среди взрослых он чувствовал себя как дома. Он ехал

со своим любимцем — Пушком. В дороге тот доставлял ему немало хлопот. Вот и сейчас, выбравшись из самодельной замшевой сумки (мама сшила!), он скакал по рюкзакам, как козлик, а за ним скакал и Алька.

За многочасовую езду пассажиры полюбили Пушка: почти у каждого он побывал в руках. Все восхищались им:

- Какой чудный котик.
- Пушок. Нет, лучше — Пушистик.
- Как на картинке...
- А глаза-то какие!
- Вот проказник: всё-то ему надо. Как дома...

На коротких остановках Алька поил Пушистика молоком, взятым в дорогу, и когда тот отказывался пить молоко, Алька тыкал его мордочкой в походную миску.

— Не мучай малыша: он сам знает, когда ему надо есть, а когда — нет, — сказала мама и задвинула миску под сиденье.

А тут автобус остановился и, видать, надолго: на днях в верховьях Закана, впадающего в Лабу, прошёл ливень, вода местами вышла из берегов и сильно повредила мост. Водитель отказался продолжать движение — слишком рискованно. Подана команда: всем выйти из автобуса и ожидать решения проблемы. Водитель и инструктор, сопровождавший туристов, перейдя по остаткам моста на другой

берег, пошли искать машину, которая смогла бы взять автобус на буксир и перетащить его рядом с мостом через бурлящий Закан.

* * *

Пассажиры расположились на поляне. Кто-то достал из рюкзака свой харч и уплетал его, парни, устроившиеся на свежих пнях, пели под гитару туристскую песню: «А я еду, а я еду за туманом, за туманом и за запахом тайги...» Алька со своим Пушистиком гонялся за кузнечиками. Кто-то, уже раздевшись до пояса, загорал, лёжа на брёвнах, сложенных вблизи моста.

Вскоре Альке надоело гоняться за кузнечиками, и он, взяв у мамы бутылочку с домашним компотом, тоже взобрался на брёвна.

Из ущелья дул прохладный ветерок, да и сама речка дышала прохладой. Подуставший Алька прислонился к маме и заснул. А когда проснулся, все ещё были на поляне, где стоял их пустой автобус, но Пушистика рядом не было. Алька заволновался. Стал бегать по всей большой поляне в поисках любимого друга и не находил его. Он звал: «Пушок, Пушок, кис-кис». Никакого отклика не было. И хотя Альке вчера исполнилось семь лет, он пустился в слёзы. Большая часть туристов уже перебралась на противоположный берег: приехавший «КамАЗ» задним ходом пересёк речку, и шофёр

прикрепил трос к автобусу. Инструктор Виктор Фёдорович, организовав страховку, переправил оставшихся на другой берег.

— Быстрее. Быстрее. Не задерживайтесь. У нас всего полчаса...

Вот уже все были на правом берегу, а Алька с мамой лазили по кустам. Всматривались в ветки могучих сосен и не находили своего любимца.

— Лидия Николаевна, быстрее — вы задерживаете автобус, — звал инструктор.

Алька упирался, не хотел уходить без Пушка...

— Не хочу в лагерь, — капризничал он. — Без Пушистика не хочу.

— Алечка, послушай: сейчас все уедут, а мы с тобой останемся одни. До лагеря ещё километров семь.

— Не хочу в лагерь, — по-прежнему упирался малыш.

И тогда Лидия Николаевна крепко взяла его за руку и чуть ли не волоком потащила к мосту.

— Не позорь меня. И не плачь. Ты же мужчина. Идём, идём скорей. Нас все ждут.

Всхлипывая и вытирая слёзы, Алька неохотно шёл с мамой.

Вскоре автобус перетащили через речку, и все с облегчением на сердце поехали в лагерь.

— Успокойся, Аленький, — ласково уговаривала мама, — никуда не денется твой Пушок.

Завтра мы с тобой пойдём и заберём его. Переночуем и заберём.

— А Пушистик где ночевать будет?

— Да тут же на полянке и заночует. Он же будет ждать нас.

— Правда?

— Конечно.

— Пусть только не дождётся.

— Обязательно дождётся. Коты привычные...

Автобус, тяжело скрипя, продолжал своё движение в сторону лагеря «Дамхурц».

Ночью была гроза. Казалось, что вот-вот рухнет домик, в котором разместились туристы. Алька перебрался к маме под одеяло. Весь дрожа от страха, что домик развалится, он с мамой погибнет и уже никто не придёт за Пушистиком, он горько плакал, уткнувшись в мамин тёплый бок и повторял: «Пушистик, Пушистик... А его молния не убьёт?»

Мама успокаивала Альку:

— Перестань... Ты же мужчина... Завтра мы сходим на ту полянку и обязательно найдём его.

— Правда?

— Правда, правда... Спи, мой Аленька. Тебе непременно надо выспаться.

— Хорошо, я буду спать.

И через пару минут Алька засопел, уже сквозь сон повторяя:

— Пушочек, Пушистик.

Лидия Николаевна, бывалый турист, молодой преподаватель пединститута, после завтрака отпросилась у начальника лагеря самостоятельно сходить к тому месту, где вчера потерялся Пушок. Ей не хотелось, чтобы сынуля всю смену горевал, и отдых в горах не пошёл ему на пользу. К тому же она была уверена, что Пушок далеко не уйдёт от того места, где его вчера оставили. Он обязательно будет ждать Альку. И эту уверенность она передала уже не плачущему сыну.

Они шли по дороге вдвоём. Иногда их обгоняли лесовозы с могучими брёвнами. Вокруг была неопиcуемая красота: склоны гор, поросшие смешанным лесом, серые и розовые скалы. Лазурная вода извилистой Лабы, чистое голубое небо и каменистая ухабистая дорога с подъёмами и спусками. Сколько бы раз сюда ни приезжала Лидия Николаевна, она не переставала восхищаться этой красотой и передавала это восхищение сыночку, рождения которого так не хотел его отец, и именно по этой причине она с ним развелась ещё до роддома. Да так и осталась одна, вернее, со своим милым Аленькой.

А его сейчас волновало одно: дождётся ли их Пушок? Не убила ли его ночная гроза?

Вот впереди показался спуск к поломанному мосту, и сверху хорошо видна та самая поляна. Восстановление моста подходило к концу. Рядом стоял бульдозер с работающим мотором.

Теперь по мосту уже можно было без всякой страховки переходить и переезжать на любом транспорте. Увидев это, Алька побежал через мост к тому пеньку, на котором он вчера сидел.

Рядом появились несколько свежих пней, кучки опилок. Видно, деревья спилили и тут же разрезали их на две-три части. Несколько брёвен подтащили к мосту. Уложили, закрепили. И — дорога открыта...

Алька, как вчера, снова бегал по поляне и никак не мог найти своего Пушистика. Он безрезультатно звал его. Мама тоже звала, но кот не откликался.

— Вы чего там ищите? — спросил мужчина с бензопилой в руках.

— Пушистика, — ответил Алька. — Он вчера здесь потерялся...

Мужчина улыбнулся и позвал Альку к себе. К нему подошла и Лидия Николаевна.

— Смотрите туда, — показал мужчина. — Выше, выше...

На самой макушке пятидесятиметровой сосны слабым голоском мяукал Пушистик. Когда он слышал голос Альки, стал спускаться, но ему было трудно. Он боялся упасть с такой немыслимой высоты, и каждый шаг его сопровождался жалобным писком.

— Из-за него не стал я пилить эту сосну-громадину: ждал, когда он спустится на землю. А он наоборот — забрался на самую верхотуру.

— А сейчас помолчите. Не надо звать его, — продолжал лесоруб. — Он сам определится, как ему быть.

И, как будто вняв его словам, Пушистик перелез со ствола на самую мохнатую ветку.

— Вот сейчас пора, — сказал лесоруб. — Мне всё равно надо спилить эту махину. Срок её подошёл. Лет девяносто.

Потом, пристроив свою бензопилу у основания ствола, он приказал Альке и Лидии Николаевне отойти в сторону. Мотор затарахтел. Пила зажужжала. Алька с мамой, затаив дыхание, следили за веткой, на которой сидел Пушистик и как будто ждал, что будет с ним.

Пила жужжала. Наконец что-то хрустнуло, лесоруб отложил пилу в сторону и обеими руками, плечом нажал на ствол.

Треск повторился. Потом эта громадина вместе с Пушистиком стала медленно падать и через мгновение с грохотом рухнула на землю. Алька и Лидия Николаевна, не успев опомниться, вдруг увидели, как, самортизовав, ветка упавшей сосны подбросила Пушистика вверх, в ту самую сторону, где стояли Алька и мама, и Алька на лету поймал его.

— Живой! Живой! — закричал он от радости.

— Хорошо, что хорошо кончается. Поздравляю. А могло быть хуже, — с улыбкой сказал лесоруб.

— Большущее вам спасибо,- восторженно благодарила его Лидия Николаевна. — А то мы всю ночь не спали, боялись за него.

Алька прижал Пушистика к груди, и они, перейдя на правый берег Закана, счастливые, пошли обратно в лагерь. Ещё долго было слышно, как жужжала пила, разрезая громадный ствол сосны на деловые брёвна для лесовозов.

Владимир Бутенко

ВЕТОЧКА ПОЛЫНИ

139

Последние дома районного поселка остались далеко позади. Не ехали, казалось, а летели на новеньком красном велосипеде. На педали нажимал отчим, Борис Петрович, а Витька ерзал на багажнике и вертел головой.

Обмякшие после недавних дождей, засеянные пашни сменялись квадратами озимей, словно обведенными синим карандашом вдали, по бровке. Тени облаков бежали вдогон, с востока, и Витька гадал: какая из них накроет? А замешкается взглядом в подоблачье — так и брызнет в лицо радужный игручий свет!

Минуту не разжимает век, ощущая, как под ворот рубашки втекает упругая струя ветра.

Откроет глаза — иная картина. То сверкнет на дне балки лужа, то прополохнет ватажка горлиц.

А вон, как городошная чурка, скатился со взгорка суслик и — шась в нору.

Со всех сторон звенели трели жаворонков, а попробуй разгляди, где они. Витька вздохнул. Весь нынешний день, как нитка с катушки, раскрутился перед глазами.

* * *

Полное беззвучие в доме, едва проснулся, встревожило его. Неужели бросили одного?! Путая пуговицы, второпях оделся, выбежал на крыльцо и ахнул: весь двор в слоистом дыму. Ветерком его выволакивало из сада, где за дальними тонкими стволами маячили фигуры отчима и бабушки, а на огородной меже, подрезая клубы дыма, подрагивало пламя костра.

Щурясь от дыма, вошел в сад и удивленно осмотрелся: все деревья обкопаны, междурядья вычесаны граблями, спиленные ветки снесены в костер. Когда же они успели? На верхушке черносливы заметил оранжевую «бабочку» горячей переноски. И вновь удивился: вон как работой увлеклись!

Под его ботинками треснула веточка, отчим кивнул:

— Становись вот здесь, с наветренной стороны, а то прокоптишься. Ну, не передумал?

— Поеду.

— Соскучился, мило-ок, — протяжно вздохнула бабушка. — За две недели целую луковую грядку на подоконнике вырастил. Мамке на витамины.

Отчим закурил, бабушка выгребла из кармана фуфайки горсть тыквенных семечек с подгорелыми бочками. Витька нашарил в куртке конфету. Так и стояли безмолвно, пока не закурился напоследок жиденький ковыльный дымок. Думали об одном. О матери...

До районного поселка добрались попуткой. Отчим шагал мерно, твердо, а Витька все забегал вперед, оглядывался, — не привык ходить по тротуарам.

В санприемнике хирургического корпуса былолюдно, но Витька сразу обратил внимание на двух девушек в белых халатах. Одна из них — рослая, с бордовыми прядями, выбивающимися из-под шапочки, — хлопотала у столика, накрытого как будто подкопченной простыней, под которой проступали какие-то медицинские инструменты, а другая — щупленькая, в очках, с непроницаемо серьезным бледным лицом — сидела у окна за полированным столом и с кем-то разговаривала по телефону.

— Ну, посмотри еще. Нет? Было же двадцать семь. Вчера вечером было двадцать семь, а сегодня стало двадцать пять. Куда два человека

делось? Скушали? Зла не хватает. Из-за вас, Таня, движение по больнице не учтешь...

Дождавшись, когда она бросила трубку на звякнувшие рычажки, отчим оттеснил плечом скучавшего пузатого дядьку и вежливо спросил:

— Полехину можно вызвать?

— Она ходячая?

— Да. Обещали сегодня... выгнать, — весело пояснил Борис Петрович.

Девушка не приняла шутки, сердито глянула на посетителя и, покачиваясь на высоких каблуках, вышла за белую дверь. Витька ни разу прежде не бывал в больнице, и неизвестность всего, что здесь происходит, насторожила.

Вслед за фельдшерницей вошла не мать, а полная, пожилая женщина в халате и высоком накрахмаленном чепчике. Она быстро оглядела ожидающих.

— Кто к Полехиной? Вы? Пройдемте. Малыш пусть подождет.

Витька обиделся. Какой же он малыш? Вечно скрытничают. Задерживая дыхание, прислушивался к перемолвке за плотно закрытой дверью.

И когда она отворилась, по растерянному лицу дядьки Бориса понял, что случилось что-то непредвиденное.

— Ну? — Витька схватил отчима за рукав.

— Сейчас... Покурю.

Мальчик прошмыгнул в наружную дверь первым, на ходу отрывисто повторил:

— Ну что? Где мама?

Борис Петрович сжал в кулаке спичечный коробок и, точно вспомнив, что рядом Витька, сбивчиво проговорил:

— Штука, понимаешь, заковыристая. Дело шло к выписке, да вдруг — приступ. Пришлось на стол взять.

— На какой с...стол? — Витька непонимающе округлил глаза.

— Ну, на этот... На каком делают операции.

Под ногами мальчика дернулась земля. Сами собой выступили слезы.

— Да ты не пугайся, Вить... Ничего же страшного. Вот мне, например, аппендикс удаляли. На что он попался матерый, а все равно не было больно. На третий день зажило. Понял? Может, даже сегодня с мамкой повидаемся.

Присели на шаткую скамью в больничном скверике, напротив широких, до половины забеленных окон. В чистые верхние шибки виднелись три ярчайшие лампы-блюдца. Но в комнате их было больше, судя по накалистому внутреннему освещению.

Витька догадался, что именно там делают операцию. Хирурги ему представились такими, каких он видел в кино, — угрюмые, с полузакрытыми лицами, похожие на колдунов. Сейчас от этих неизвестных, чужих людей зависела жизнь его матери...

Витьке было страшно не столько оттого, что совершается операция, а больше от незнания: кто ее делает. И если бы на минутку Витьку впустили в эту ярко освещенную комнату (не пустят, конечно), он ничего бы не испугался. Он рассказал бы докторам, как нужна ему мама, как соскучился по ней! Какими заботливыми и ласковыми бывают ее руки, когда она надевает на него только что купленную обновку или просто гладит по голове. И тогда бы врачи, узнавшие все это, непременно спасли ее.

Витька заморгал от внезапно наворачнувшихся слез, поднялся и, отойдя метра на три, через плечо бросил:

— Машину посмотрю.

Он медленно обошел вокруг маленького зеленого автобуса «Скорой помощи». Из кабины выглянул краснощекий парень.

— Ты что, хлопец?

— А какой она марки?

— УАЗ. Хочешь покататься?

— Нет. Я мамку жду... Ей операцию делают.

— Вот оно что... — парень на несколько секунд скрылся в глубине кабины и вновь выглянул.

Витька смущенно взял карамельки с ладони, отдающей бензином, вернулся на скамью.

Дядька Борис от дымящегося «чинарика» торопливо прикуривал новую сигарету. На призывной возглас разом оглянулись.

Та самая пожилая женщина махнула рукой с верхней ступени больничного крыльца.

— Сиди здесь. Я недолго, — всполошился отчим.

— А я? — жалобно посмотрел Витька.

— Вот чудака-человек. Никто тебя не тронет. Жди.

* * *

Оторопелым и вместе с тем обостренным взглядом наблюдал Витька за прохожими. Запомнилась ему носатая тетка, укутанная в разноцветные платки, низенький борода-тый цыган на костылях, в белых — не по сезону — брюках, заштопанных спереди черными нитками.

145

Витька с таким нетерпением глядел на входную дверь, что вздрогнул, когда ее распахнули. По ступеням бодро спустился черноусый парень с портфелем в руке, в не застегнутом кожаном пальто, из-под которого пламенел шарф. Следом поспешал отчим.

— ...сухари, куриный бульон, — неторопливо, четким баском рокотал незнакомец. — Затем переведем на общий стол.

— Ясно, Семен Николаевич.

— Донорскую справку возьмите у нашей медсестры. Всего доброго. А группу крови все-таки отметьте в паспорте.

— Спасибо огромное...

Отчим подошел, улыбаясь, непривычно побледневший. И Витька точно впервые увидел его: невысокий, с матово смуглым лицом, совсем молодой.

— Притомился? А меня... мать не отпускала. Все о тебе расспрашивала. Пришлось присочинить, что с учебой подтянулся и на огороде орудуешь заправски.

Витька подскочил, запрокинул голову:

— И меня пустят?

Борис Петрович крикнул, развел руками:

— Хирург не разрешил. Мама после наркоза должна выспаться... Вот и меня он наладил... Лебешев. Конкретный мужик! Сейчас зайдем к тете Тане. Пусть подежурит у мамки, а то мне неудобно — палата женская. Через денек наведаемся.

Несмотря на отговорки, тетка все же усадила гостей за стол и заставила выпить хоть по стаканчику фруктового киселя. Походила она на брата, такая же сухощавая, подвижная, с черными зоркими глазами. Но, в отличие от него, говорила громко и решительно. Сперва это Витьку смущало, — не сердится ли на что? Но чем дольше они тут находились, тем уютней он себя чувствовал в этом солнечном, пахнущем оконными цветами доме.

— О, да у тебя душа нараспашку, — доглядела хозяйка. — Снимай курточку.

И пока Витька, конфузливо супясь, стаскивал рукава, достала из тумбочки зеленую шкатулку. Подобрала пуговицу, пришила. Попробовал Витька — не оторвать!

Затем тетя Таня придвинула стул к трюмо, и Витьке невольно пришлось подчиниться. Уселся он с кислой физиономией, но тетка так ловко щелкала ножницами, то на макушке, то у висков, непрерывно орудуя расческой, что Витька заулыбался, удивляясь своему превращению в курносого светлочубого мальчика.

— У меня в аккурат два отгула, — сказала тетка на прощанье. — Зайду, предупрежу — и в больницу. Лимонами разживусь.

В коридорчике Витька замешкался, зашнуровывая ботинки, и краем уха уловил приглушенный разговор.

— Валька пишет, что Вика закончила четверть на круглые пятерки. Мол, скучает об отце.

— Не надо об этом, Таня... Не все дороги напрямки. Раз уж так случилось, нечего ворошить прошлое. Не пойму до сих пор: что толкнуло благоверную на измену? А дочку летом обязательно привезу к себе. Пусть побегает с Витькой!

— И то так. Мальчонка славный. Только вот шибко худенький. Не обижаешь?

— Ну что ты...

Витька на цыпочках, неслышно выскользнул на улицу. Он знал, что у дядьки Бори есть дочь,

видел ее фотокарточку. Девчонка как девчонка — с челочкой и бантиками, только слишком уж грустная. Витька редко думал о ней. Сейчас же заволновался, что отчим в любой день может бросить его с мамой и вернуться в город. Она ведь ему родная... Но сильным толчком отдавалось в сердце: нет, наверное, не уедет. Сильно маму жалеет... И почему-то захотелось, чтобы Вика поскорей пожаловала в гости. Вот бы здорово было! Они бы наперегонки бегали к речке, купались, лазили в соседний сад за малиной. Она там сладющая! И раков бы ловили вместе. Он бродил бы вдоль берега, нашаривал в норах клещнятых и бросал на сушу, а она боязливо, как хуторские девчонки, подбирала их и клала в сумку. Забавно! А еще Витька представил: вырастет большим, купит красный легковой автомобиль, непременно красный, и станет катать маму, дядю Борю и Вику везде, где захотят...

Отца Витька помнил смутно. Помнил, как горлопанил он по вечерам буесловные, нескончаемые песни, а мать украдкой уходила с перепуганным малышом к соседям. Помнил, как ездили с отцом в станицу к родственникам. Хозяева встретили бирюковато. Витька подозрительно косился на старуху, у которой изо рта выпирали два желтых зуба, и повеселел, когда отец засобиравлся домой. По дороге подвернули к чайной. Кое-как набросив

на штакетину вожжи, отец пригрозил Витьке пальцем и скрылся за широкой дверью. Чужие дядьки вываливались из кирпичного обшарпанного здания, откуда вкусно пахло селедкой и жареной картошкой, а папки все не было и не было. Лошаденка, вскидывая голову от укусов слепней, сосмыкнула вожжи и, почуяв волю, решительно взяла с места. Витька оторопел, потерянно озирался, но станичный проулок в полуденную жарынь был безлюдным. Взносившаяся кляча перешла на галоп. Пыльная лесопосадка, встречный трактор, каменный карьер — все мчалось мимо с жуткой скоростью, качалось и подпрыгивало. Витька рухнул на дно бедарки, прикрытое сенцом, и отчаянно заблажил...

Очнулся от хлюпка воды. Затравленно приподнялся на локтях: над ним сосредоточенное, тонко расчерченное морщинами лицо.

— Ну, очапался, малец? — вкрадчиво, с дружеским укором промолвил дед Поликарп, коных. — Лежи, лежи. Здесь, в клуне, прохладненько. Зараз Верка Лужнова молочка погребного принесет...

Отец появился ночью. Витьку, спавшего рядом с матерью, разбудил толчок, сдавленный стон. Он открыл глаза и в лунной душной полумгле увидел, как отец стаскивает мать за волосы на пол. Стараясь не потревожить сына, сжавшись, она упала почти бесшумно, на плечо,

закрыла лицо ладонями. Онемев от ужаса, мальчик вскочил с кровати, схватил подушку и стал ею мутузить по сутулой отцовской спине.

А вскоре в пьяном беспамятстве отец осушил полбутылки уксусной эссенции. Похороны от Витьки скрыли, опасаясь, что заикание, появившееся после обморока, может усугубиться.

* * *

Шли частым, торопким шагом. Обочь тротуаров расселись старушки, зазывно выставив ведерки с жареными семечками. Пацаны взад-вперед сновали на мопедах.

— Хорошо им по асфальту, — завистливо вздохнул Витька.

— Благодать, — согласился отчим. И вдруг, хлопнув рукой по карману пиджака, воскликнул: — Деньжата есть, наш-то да-а-а-вно по свалке скучает... Давай велик купим, а?

Витька не верил счастьем до тех пор, пока не свернули к универмагу. С важным, понимающим видом долго толкались у велосипедных стоек.

— Этот, — шепнул Витька.

— Подходящий...

Вдоль дорожки, натоптанной прямиком в хутор, радостно узнавал Витька лиловатые звездочки гусяного лука, зубровки и целые протоки одуванчиков. На подъеме не вытерпел, спрыгнул.

Сколько захватила ладонь, сорвал цветков и догнал велосипед. Но отчим сам слез и бережно завалил велосипед на землю:

— Привал.

Слева, на пригорке, начинала зеленеть лесополоса. Над зацветающими абрикосами вились первые пчелы. От стволов протянулись предзакатные тени. Травка, захваченная ими, чуть голубела и казалась холодной. Ближе, по суглинистой ложбине, с тонким говорковым звуком петлял ручей, еще мутный и напористый.

Борис Петрович лег па спину, одну руку подложил под голову, а правую, в которой держал сигарету, поставил на локоть. И, глядя куда-то в небо, вполголоса промолвил:

— Вот и пролетел день, как будто его и не было. Подустал... Пришлось кровь сдать. Для операции понадобилась. Голова немного шумит... А так ничего.

— Не выходи в ночную, дядь Боря.

— Гм... Ничего против этого не имею. Только кто же будет сеять? Разработаюсь. Пустяки... А вот ты, дорогой, с учебой подтянись. А то раскроет мать нашу тайну, ну эту, что ей сегодня про тебя сочинил, — скандала не оберешься. Договорились?

— Подтянусь. Честное-пречестное, — доверчиво сказал Витька, ловя себя на мысли, что дядя Боря такой же близкий для него человек, как мама или бабушка.

Он скovyрнул со ствола абрикоса леденец вешнего розоватого натека, пожевал, ощущая во рту пряный, горьковатый вкус. Задержал взгляд на сверкающих никелем колесах и неожиданно признался:

— Молока бы кружку...

Борис Петрович рывком сел, из сумки, висевшей на руле, достал самопечный каравай — гостинец сестры. Ножом отсек увесистую горбушку, затем из туристской солонки, которую никогда не убирал из своей рабочей куртки, слегка посолил и разломил пополам. Ели, поглядывая друг на друга, по сторонам. Витька заметил сизоватую, двурогую веточку полыни, которую несло сверху по ручью. Вот она, покачиваясь, прошла у самых ног, мелькнула и уже закружилась у нового поворота.

— Смотри, папка, кораблик! — обрадованно воскликнул Витька. — Правда, похож?

— Точно! — Борис Петрович улыбнулся и дрогнувшим голосом поспешно прибавил: — За Викой, дочкой моей, поедem вместе. Таганрог — старинный город. Там увидишь, сынок, настоящие морские корабли.

ПРОДАВЩИЦА

Девочка мечтает за прилавком...
А в глазах, тревожных, как вода,
проплывают в светлом беспорядке
провода, трамваи, города,
стог лучей на синем-синем блюде
дальнего несбыточного неба,
где девчонка никогда не будет,
где цветет тропическая нега...
У прилавка очередь толпится.
За прилавком — спрятались почти
в рыженькие детские ресницы
ласковые девичьи мечты...
А в экраны голубых витрин
хлещет первый настоящий ливень,
и стучит, стучит до хрипоты
тополёк, продрогший и счастливый.

Николай Ананьченко

ОГУРЦЫ И ПРЯТКИ

На зелёной, пышной грядке
Огурцы играют в прятки.

Под листьями скрываются
И... словно растворяются.
Дед качает головой:
— Нынче урожай плохой.
Даже спорить я готов —
Будем мы без огурцов.
Бабушка печалится,
С дедом соглашается.
И тогда я взял корзинку,
В огород и по тропинке
К огуречной грядке прямо.
Говорю:
— Как вы упрямы!
Надоели прятки ваши.
Бабушка взгрустнула даже.
Думает, вас вовсе нет.
Но я знаю ваш секрет.
Листья переворошу,
Вас в корзинку уложу.
Соберу всех, а потом
Отнесу корзину в дом.
Дедушка воскликнет:
— Ай!
Это знатный урожай!
Бабушка всплеснёт руками:
— Значит нынче с огурцами!
Я скажу:
— Да, мы на грядке
Поиграли с ними в прятки...

ЧТО ТАМ ПОКРАСНЕЛО?

Дедушка сказал: — Внучки!
Где-то я забыл очки.
Посмотрите, в огороде
Что-то покраснело вроде.
Мы летим во весь опор.
Ба! Да это ж помидор.
Улыбнулся брат: — Чудак.
Называется не так.
Ты запомни: это, брат,
По научному — томат.
Растерялся я сперва.
Брат, конечно, голова!
Но к чему нам этот спор,
Ведь вкуснее помидор!

155

Екатерина Полумискова

КАБАЧОК И ЯБЛОКО

Ах, до чего же хорошо у нас на юге летом, вдали от шумных и душных столичных перекрёстков и загазованных автомагистралей с раскалённым добела асфальтом и пыльными серыми обочинами! И городской житель, попадая в какой-нибудь фермерский хуторок или казачью станицу, некоторое время просто

глохнет от тишины и задыхается от цветочных ароматов и запаха пряных степных трав. Но потом одним прекрасным солнечным утром вдруг начинает слышать, как колокольчики в поле перезваниваются с васильками и ромашками. А ещё через день-другой вдруг совершенно ясно понимает, о чём перешёптываются кленовые листочки с дубовыми на краю лесной опушки, и о чём печалится старая ива, склонившаяся над оврагом, или наперебой трещат ослепительно-радужные стрекозы, зависая над гладью пруда и что-то упрямо доказывая шуршащим тростниковым зарослям.

Да это что! Даже простые овощи и фрукты, зреющие «во саду ли, в огороде», такие истории могут поведать! Главное — хотеть и уметь слушать!

Вот к примеру, кабачок — самый обыкновенный, казалось бы. Овощ овощем, лентяй лентяем. Лежит себе целыми днями в травке, нежится, подставляет солнышку то один бок, то другой. Растёт днём и ночью да ещё с пригорочка посматривает на густые капустные, луковые и морковные грядки, что расположились ровными рядами по соседству. А ещё чуть ниже по склону зеленеют огуречные делянки, и каждый день ребятня с визгом крутится там, чтобы не проглядеть и первыми сорвать едва успевшие созреть ранние огурцы-выскочки. И хоть они почти родственники кабачку, пусть

даже седьмая вода на киселе, но уж больно надоедают ему, белобокому и красивому, эти гам и суета, что поделаешь!

И вот кабачок решил обратить свой взор в противоположную сторону, туда, где к огороду вплотную подступил хозяйский сад, а совсем рядышком, рукой подать, росла молодая раскидистая яблонька. Любовался кабачок этой яблонькой и однажды заприметил на одной из веточек яблочко — круглое такое, бело-золотистое.

И висело оно так близко, что непременно захотелось поболтать с ним о том о сём. Но о чём можно беседовать с такими распрекрасными фруктами, кабачок не знал, потому что никогда этого не делал и очень боялся прослыть невежей и грубияном.

Он ещё несколько дней молчаливо всматривался в крону дерева, понимая, что яблок на нём довольно много, но все они то зелёные и мелковатые, то слишком высоко растут и вряд ли расслышат его слова, а то и вовсе червивые и кривобокие, с такими ему и самому не хотелось бы разговаривать.

Это яблочко, на которое кабачок глаз положил и от которого с каждым днём всё труднее было отвести взгляд, оказалось, видимо, самым лучшим. Оно быстро наливалось сладким медовым соком, а потому ещё больше хорошело,

розовело и румянилось, и под своей тяжестью пригибало тонкую ветку всё ближе к земле.

Кабачок совсем потерял покой и сон. Ночью, в прохладе и полной темноте, он смотрел в звёздное небо и при свете луны мечтал вырасти ещё немного, чтобы его наконец-то заметили. А с первыми рассветными лучами и до самых вечерних сумерек не отрываясь смотрел на яблоко, и мечты его рассыпались — ему казалось, что его совершенно не видно под крупными лопушистыми листьями, и что вообще яблоко вряд ли станет слушать его болтовню. И однажды всё же решился заговорить.

— Здравствуй, Яблоко! — воскликнул Кабачок, сверкая на восходе бриллиантовой росой, потому что солнце ещё не успело высушить капельки влаги на его белых и крутых боках.

— Здравствуй! — отозвалось Яблоко, покачиваясь на ветке.

Оказывается, оно уже давно обратило внимание на гладкий и блестящий крупный овощ, прикрытый листьями, словно зонтиками, от палящего солнца. Он был такой огромный, и Яблоко с восхищением думало, что никогда не сможет вырасти до таких размеров, да и никакое дерево не удержит его на весу.

Они подружились. Кабачок разносило в стороны от влаги и тепла, он рос не по дням, а по часам, и всё оправдывался: это потому, что люди видят в нём много пользы, что он

вкусный, аппетитный и принесёт здоровье и силу тому, кто его съест.

— Правда? — удивлялось Яблоко. — А про яблоки много чудесного рассказывали, как будто именно нам обязан весь род человеческий, когда Ева впервые угостила Адама райским яблоком.

— Ах, ну надо же! — воскликнул Кабачок.

— А ещё благодаря нам случаются великие открытия! Говорят, что учёный Исаак Ньютон сидел под яблоней и открыл свой закон, когда ему на голову упало яблоко.

— Неужели? — восхищался Кабачок. И Яблоко казалось ему не только самым красивым, но ещё и самым умным, самым интересным собеседником.

— А ещё яблоко сделало человека ловким и умелым, и многие помнят Вильгельма Телля, самого меткого стрелка, и попасть в центр мишени означает «попасть в яблочко»! — продолжало рассказывать Яблоко и очень гордилось своим родом.

— Откуда ты всё это знаешь? — спросил Кабачок.

— От хозяйской дочери и её друга-студента. Они все каникулы напролёт сидят под моей яблоней в тени, и он рассказывает ей всякие удивительные истории.

— Вот здорово! А я слышал только, как младшие братья этой девочки такими словечками

сыпали, уж такое заворачивали, когда огород пропалывали...

— Какими ещё словечками?

— Не буду повторять, лучше промолчу, а то ты созреешь раньше времени, — проворчал Кабачок.

— А что будет, когда я созрею? — спросило Яблоко.

— Что будет? — вздохнул Кабачок. — Тебя сорвут, а потом сварят варенье. Или девочка, разговаривая со своим другом, вдруг протянет руку, возьмёт тебя и съест сама, а быть может — поделится с этим студентом, и они съедят тебя вместе...

— Как Адам и Ева?

— Ну, да, вроде того.

Яблоку совсем не хотелось, чтобы его съели, и оно возмутилось:

— А что если я просто буду висеть на дереве и позировать какому-нибудь мальчику, который учится в художественной школе? Разве это плохо?

— Хорошо, конечно. Но если ты перезреешь, то тебя атакуют осы или птицы, и ты перестанешь быть таким красивым, упадёшь в траву и разобьёшься.

— Как же всё это грустно! А что будет с тобой?

Об этом Кабачку меньше всего хотелось думать, тем более, говорить. Что могло случиться с ним? Попасть на хозяйский стол в виде

вкусной кабачковой икры или в маринаде под какой-нибудь шашлык — на другое он и не рассчитывал.

— В любом случае, что бы там не произошло, люди скажут про нас: ах, какая вкуснятина! А на следующий день-другой примутся собирать урожай из созревших братьев-кабачков и сестёр-яблочек. Но мы окажемся самыми лучшими на вкус, самыми первыми и крупными.

Вот так болтали друзья фрукты-овощи и вскоре позабыли о том, что растут они исключительно для того, чтобы в один прекрасный день оказаться сорванными и съеденными трудолюбивыми своими хозяевами-фермерами.

Но однажды в предрассветном тумане, когда сумерки сгущаются над землёй и становится особенно темно и страшно, Кабачок услышал, как кто-то крадётся по огороду, осторожно перешагивая через грядки и поднимая в воздух стайки совсем ещё сонных бабочек-капустниц и незадачливую мошкарку.

Присмотревшись, он узнал соседского мальчишку, который, приседая в зарослях малиника, пробирался крадучись к деревьям. В руках у него была пустая авоська для яблок, а намерения оставляли желать лучшего. Он собрался обнести сад и почему-то решил, что самые лучшие яблоки должны достаться именно ему.

Мальчишка остановился перед кустом, где рос наш Кабачок, и посмотрел на яблоню,

увидел Яблоко и уже протянул было руку, чтобы сорвать его. Но тут Кабачок изо всех сил напрягся и попал прямо под ногу незваному гостю, нарушителю спокойствия. Мальчишка зацепился, споткнулся и растянулся прямо перед веткой, на которой висело Яблоко. А Кабачок отлетел в сторону, и на боках его остались глубокие полосы от ребячьих сандалий.

Мальчишка, лёжа в траве на границе чужого сада и огорода, взглянул на то, что попало ему под ноги, и воскликнул:

— Ого, какой огромный кабачок, я и его прихватчу!

Но в это время Яблоко, которое всё сильнее и сильнее раскачивалось на ветке, наконец сорвалось с дерева и больно ударило незадачливого воришку прямо по лбу. Да так, что аж в глазах потемнело. Хотел было мальчишка схватить большое и красивое Яблоко, за которым он так неуклюже потянулся, но оно от удара растрескалось и испачкалось о землю.

Поднял его воришка, осмотрел да и бросил с досады, а потом быстро помчался прочь вдоль изгороди, потому как собаки уже неслись ему навстречу с грозным лаем. А Яблоко покатилося прямо к Кабачку и прильнуло к его боку, и они долго-долго молчали, пока не взошло солнце...

Вечером того же дня к хозяйской девочке в гости снова пришёл её друг, студент первокурсник. Они весело болтали в гостиной, а на

ужин мама угостила их хрустящими, румяными оладьями из кабачков и ароматным яблочным компотом. Какая же это была вкуснятина! В городе такого негде взять да и не из чего приготовить.

И на этот раз юноша вдохновенно рассказывал девочке о том, что сама Земля по форме очень напоминает огромное космическое яблоко, которое как будто кто-то надкусил с боков. Оказывается, это астероиды, пролетая мимо, так оцарапали поверхность планеты. А на тех местах образовались огромные океаны, наполненные водой, словно яблочным соком. Именно из них в те незапамятные времена и вышли на сушу первые живые существа во Вселенной.

163

Сергей Лобанов

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Я видел сон. В нем было много сцен:
Мне снилась школа, первый мой учитель,
Как я — мальчишка — юный сочинитель —
Писал стихи во время перемен.
Учитель по французскому в том сне
Ругал меня за то, что слишком ушлый,
Рассказывал, что значит быть послушным,
И двойку в назиданье ставил мне.
Мне снился день последнего звонка,

Его печаль, волнующая души,
Как пели классом славную «Катюшу»,
А солнце мая зрело в облаках.
Потом июнь мне снился, выпускной,
Прощальный вечер ласкового лета
И небо в ярком пламени рассвета
Над грустной Голубиною горой...

БЫТЬ ДОБРЫМ

Быть добрым — значит сострадать
Тем, кто в беде, тем, кто безбожен.
Быть добрым — значит отдавать
И не просить взамен того же.
Быть добрым — значит жить в любви,
Уметь прощать, уметь мириться,
Уметь душою не кривить,
Когда вокруг весь мир кривится.

Быть добрым — значит помогать.
Быть добрым — значит заступаться.
Нельзя всю жизнь бесстыдно лгать,
При этом добрым оставаться.
Нельзя все время жить во тьме
И проповедовать о свете.
Быть добрым — значит быть в ответе
За злобу личную вдвойне.

СОВЕТ

В простых вещах ищите счастье,
любите жизнь.
Любите жизнь в плохих ненастьях,
когда она полна напастей,
цените жизнь.

Храните жизнь, оберегайте
её от зла.
Печальась, рук не опускайте,
терпите, верьте. Принимайте,
что жизнь дала.

Прощайте недругу обиды,
прощайте ложь.
Прощайте, кто бы это ни был,
Быть может, плох он только с виду,
внутри — хорош.

Живите так, чтоб быть примером
для всех живых.
Примером совести и веры,
примером дружбы и карьеры
и благ иных.

С улыбкой по миру идите,
несите свет!
Себя напрасно не губите!
Любите жизнь! Взахлёб любите —
мой вам совет...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНАНЬЧЕНКО Николай Михайлович (Ставрополь) — поэт, прозаик, автор более 10 книг, в том числе детских. Член Союза писателей России. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А. Т. Губина.

БУТЕНКО Владимир Павлович (Ставрополь) — поэт, прозаик, исполнитель авторских песен, член Союза писателей СССР и России. Лауреат премии журнала «Наш современник», трижды лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А. Т. Губина. Автор книг поэзии и прозы, сольных песенных альбомов. Главный редактор альманаха «Литературное Ставрополье». Руководитель школы литературного мастерства в г. Ставрополе. Имеет правительственные и общественные награды.

ВОРОПАЕВ Олег Владимирович (Новопавловск) — поэт, прозаик, автор и исполнитель песен. Подполковник милиции в отставке. Участник двух боевых командировок в Чеченскую Республику. Член Союза писателей России. Автор 10 книг. Дипломант литературного конкурса МВД России «Доброе слово». Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А. Т. Губина.

ГАМАЮНОВ-ЧЕРКЕССКИЙ Сергей Васильевич (Кисловодск) — поэт, прозаик, публицист. Лауреат и дипломант многих всероссийских литературных премий. Член Международного Союза писателей «Новый Современник» и содружества писателей «Золотое перо Руси». Член Союза журналистов России и Российского союза писателей. Автор сборников поэзии, прозы. Работал народным судьёй, судьёй Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики, в органах прокуратуры Ставропольского края, в настоящее время в отставке.

ГОНЧАРОВА Елена Михайловна (Ставрополь) — поэт, публицист, сценарист, журналист, поэт-песенник, победитель и лауреат региональных и всероссийских конкурсов. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А. Т. Губина.

167

ДМИТРИЧЕНКО Валентина Гапуровна (Невинномысск) — поэт, поэт-песенник. Член Союза писателей России. Лауреат премии фонда им. В.И. Слядневой, премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А. Т. Губина.

ЖИДКОВА Лилия Сергеевна (Ставрополь) — прозаик, поэт. По образованию юрист. Победитель всероссийских литературных конкурсов,

обладатель молодежной стипендии Губернатора Ставропольского края, стипендиат фонда им. В. И. Слядневой.

КУСТОВ Виктор Николаевич (Ставрополь) — прозаик, публицист, драматург, журналист, издатель. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Главный редактор журнала «Южная звезда», интернет-журнала «Культурный слой. Журнал для избранных», шеф-редактор журнала «Сельское Ставрополье». Лауреат премии Союза журналистов СССР, премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А. Т. Губина, премии фонда им. В. И. Слядневой «Золотое перо губернии». Имеет правительственные и общественные награды.

ЛАНГУЕВА (Сухорукова) Тамара Васильевна (Невинномысск) — поэт, поэт-песенник, прозаик, член Союза писателей России. Ветеран органов прокуратуры и следственных органов. Награждена государственными, ведомственными, общественными наградами. Дипломант и лауреат всероссийских конкурсов. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края им. А. Т. Губина.

ЛОБАНОВ Сергей Викторович (Ставрополь) — поэт, поэт-песенник. Член Союза писателей России, автор 6 поэтических книг и военно-

исторической книги «21-я ОДШБр — 247-й гв. ДШП. 45 лет». Участник СВО, гвардии лейтенант Воздушно-десантных войск РФ. Кавалер Ордена мужества. Победитель и лауреат Всероссийских премий. Обладатель молодежной стипендии Губернатора Ставропольского края.

МАСЛОВ Анатолий Михайлович (п. Передовой Изобильненского района Ставропольского края) — поэт, член Союза писателей России. Работал учителем русского языка и литературы, завучем в средней школе, избирался депутатом и заместителем главы администрации посёлка Передового Изобильненского района. Автор 6 поэтических книг. Награждён Терским казачьим крестом генерала Ермолова, нагрудными знаками «За верность казачеству» и «За возрождение казачества».

169

МЕЛЬНИК (ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК) Алла Владимировна (Ставрополь) — поэт, прозаик, переводчик. Член союза писателей России. Имеет три высших образования. Преподаватель английского языка, музыковед. Автор 15 книг. Удостоена диплома Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь». Отмечена наградами Русской Православной Церкви.

МОСИЕНКО Александр Алексеевич (Пятигорск) — поэт, прозаик, драматург. Работал директором школы, возглавлял редакцию газеты «Учитель» Пятигорского государственного лингвистического университета. Отличник народного просвещения России. Заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А. Т. Губина. Автор более 20 книг поэзии, прозы, драматургии. Имеет правительственные награды.

ОКЕНЧИЦ Наталья Владимировна (Михайловск) — поэт, член Союза писателей России. Ветеран труда Ставропольского края. Автор нескольких поэтических сборников, в том числе для детей. Дипломант Всероссийских и региональных конкурсов.

ПОДОЛЬСКИЙ Станислав Яковлевич (Кисловодск) — поэт, прозаик, драматург, член Союза российских писателей. Состоит в Русском ПЕН-центре Всемирной ассоциации писателей «Международный ПЕН-клуб». Член Ассоциации русских верлибристов. Автор более 20 книг. Дважды лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А. Т. Губина. Главный редактор альманаха «Литературный Кисловодск».

ПОЛУМИСКОВА Екатерина Петровна (Ставрополь) — поэт, прозаик, переводчик, поэт-песенник, член Союза писателей России. Победитель многих всероссийских конкурсов, обладатель премии фонда им. В. И. Сядаевой «Золотое перо губернии». Имеет правительственные и общественные награды. Руководит региональным отделением Литфонда России. Реализовала несколько международных грантовых проектов в области культуры.

РЫБАЛКО Сергей Николаевич (Ессентуки) — поэт, прозаик, драматург, сценарист, автор и исполнитель песен. Член Союза писателей России. Автор более 20 поэтических сборников, нескольких документальных фильмов. Главный редактор альманаха «Синегорье», руководитель одноименного Ессентукского творческого объединения. Лауреат краевых литературных премий: Фонда культуры (1993 г.), им. Семёна Бабаевского (2000 г.), Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А. Т. Губина (2015 г.). Имеет правительственные и общественные награды.

СКРИПАЛЬ Сергей Владимирович (Ставрополь) — прозаик и журналист, лауреат всероссийских и региональных премий. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Лауреат премии Губернатора Ставропольского

края в области литературы им. А. Т. Губина. Работал учителем русского языка и литературы, директором школы. Ветеран войны в Афганистане. Имеет правительственные и общественные награды.

ХМЕЛЁВА Надежда Владимировна (Буденновск) — поэт, прозаик, член Союза писателей России. Ветеран труда, отличник просвещения, руководитель литстудии «Родники Прикумья», директор и преподаватель воскресной школы. Награждена медалью «К 100-летию А. М. Шолохова». Автор многих книг для детей и взрослых.

ХОДУНКОВ Константин Дмитриевич (Ставрополь) — поэт, поэт-песенник, журналист. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор более 20 книг поэзии и прозы, в том числе для детей. Лауреат краевой журналистской премии им. Г. Лопатина, премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А. Т. Губина.

ШУБНАЯ Любовь Федоровна (с. Александровское Александровского района Ставропольского края) — поэт, прозаик, переводчик, журналист. Заслуженный работник культуры РФ, член Союза российских писателей, Союза журналистов России, творческого объединения детских авторов России. Автор книг поэзии и прозы,

вышедших в России и Республике Беларусь. Победитель и лауреат многих международных литературных конкурсов. Дважды серебряный лауреат национальной Литературной премии «Золотое перо Руси». Награждена медалью Российского Лермонтовского комитета «За мир и гуманизм на Кавказе».

ЯКОВЛЕВ Владимир Яковлевич (Ставрополь) — поэт, поэт-песенник, радио- и тележурналист. Член союза писателей России, автор 6 поэтических сборников. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А. Т. Губина.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Владимир Яковлев — 5 рисунков к рассказу
«Сказка о девочке, которая боялась темноты»

Василий Молоков «Ставрополь»

Евгений Синчинов «Полдень»

Василий Поляков «Яблоня»

Работы учащихся детской художественной студии:

Софья Баранник «Осенний лес»

Анастасия Смилянец «Масленичный натюр-морт»

Обложка — **Ирина Плетнева** «Юность». «Мечты».

СОДЕРЖАНИЕ

ПОРА В ШКОЛУ!

От авторов	5
Олег Воропаев. Детский портрет	2
Сергей Скрипаль. В густом лесу жила лиса	7
Серей Гамаюнов-Черкесский. «Добро должно быть с кулаками...»	11
Любовь Шубная. Как нас макушки подвели	15
Елена Гончарова. Хвостоногий ухоклюв	19
Константин Ходунков. Дети сказки не поймут.	22
Екатерина Полумискова. Сказка для Оли.	23
Владимир Яковлев. Сказка о девочке, которая боялась темноты.	29
Алла Халимонова-Мельник. Стихотворения	
День Города	44
Мой город.	45
Белый Город.	46
Николай Ананьченко. Шишковать поехали.	47

ЗИМНИЕ ИСТОРИИ

Любовь Шубная. Стихотворения.	
Сороки	61
«Из-за двоек я не плачу»	61
Почему загрустил снеговик.	61
Тайна.	62
Лилия Жидкова. Маленькие чудо.	62
Алла Халимонова-Мельник. Пушистая сказка	65
Екатерина Полумискова. Несмеяна.	66
Валентина Дмитриченко. Стихотворения	
Январь.	74
Прогулка по первому снегу	75
Снег	75
Николай Ананьченко. Вместе с зимой.	76

ЭКЗАМЕНЫ НА НОСУ

Виктор Кустов. Чай с малиновым вареньем	79
Сергей Рыбалко. Олениха.	99
Тамара Лангуева. Юный мастер	101
Николай Ананьченко. Стихотворения	
Сколько весят оценки	107
Чтоб от жизни не отстать	108
Надежда Хмелева. Школьные истории	
Взгляд со стороны	109
Ранняя клубника	111
Наталья Окенчиц. Стихотворения	
Комната боевой славы	114
Бессмертный полк	115
Девятое мая	116
Анатолий Маслов. Манечка	116

УРА, КАНИКУЛЫ!

Лилия Жидкова. Актриса	129
Александр Мосиенко. Пушистик	131
Владимир Бутенко. Веточка полыни	139
Станислав Подольский. Продавщица	153
Николай Ананьченко. Стихотворения	
Огурцы и пряжки	153
Что там покраснело?	155
Екатерина Полумискова. Кабачок и яблоко	155
Сергей Лобанов. Стихотворения	
Школьные годы	163
Быть добрым	164
Совет	165
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	166

Литературно-художественное издание

«ОДНОКЛАССНИКИ»

Сборник поэзии и прозы
для детей старше 12 лет

Технический редактор
Верстка: Лякин К.Е.
Дизайн
Корректор

Министерство культуры Ставропольского края

Ставропольское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
писателей «Литературное Сообщество
Писателей России»

Ставропольское краевое отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»

Отпечатано в ООО «Вектор-Принт»,
620021, г. Кемерово,
ул. Стахановская, 1, д. 29а, офис 211
Тираж ??? экз. Заказ №477.